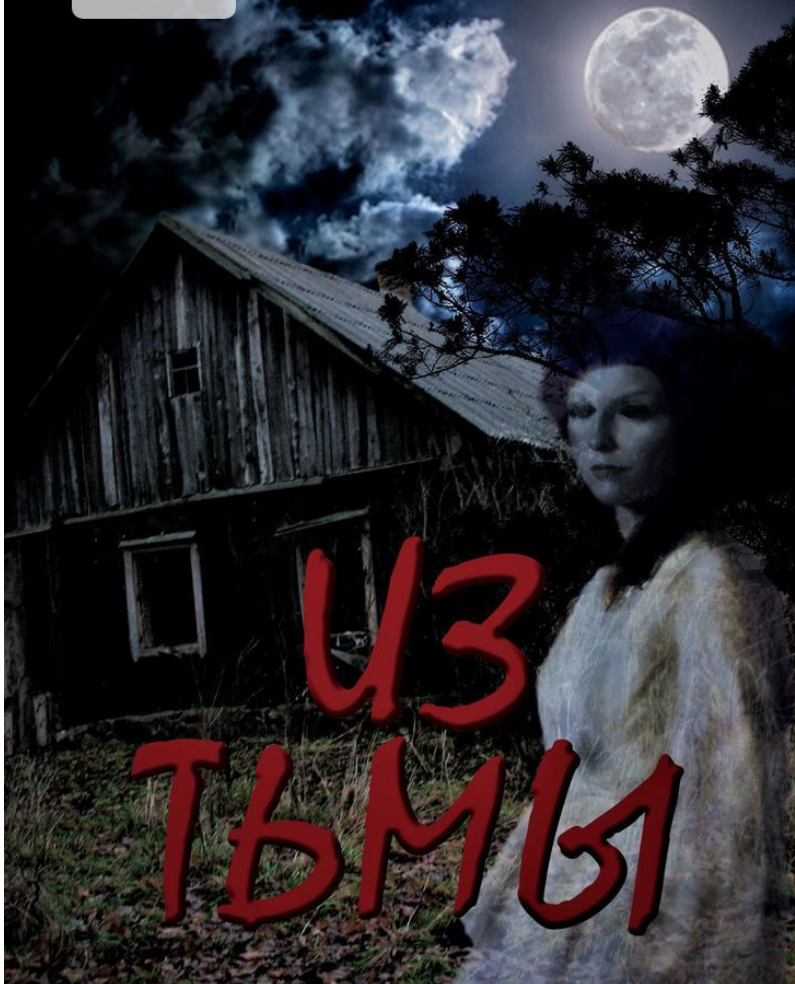

18+

Александр Васильев

ИЗ
ТЪМНЫ

Александр Васильев

Из тьмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56342514

ISBN 9785005105554

Аннотация

Некогда успешный писатель мистической прозы, после двух лет затворничества и простоя в работе из-за смерти жены, переезжает вместе с дочерью в свой родной город, который ему пришлось покинуть, когда ему было 14 лет. В его памяти не осталось ни единого момента о прожитом в нем детстве. Но теперь ему предстоит вспомнить все события, не только повлекшие его переезд, но и заставившие вернуться обратно. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	6
Из вчера в сегодня	6
1	7
2	13
3	20
Глава первая	23
Картонная коробка	23
1	24
2	28
3	30
4	33
5	40
6	47
7	53
8	58
Глава вторая	62
Газеты	62
1	63
2	71
3	84
4	100
5	103
6	104

7	109
8	110
9	112
10	114
11	120
12	127
13	130
14	140
15	145
16	149
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Из тьмы

Александр Васильев

© Александр Васильев, 2020

ISBN 978-5-0051-0555-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Из вчера в сегодня

1

...Этот город таил в себе множество тайн, скрытых глубоко во тьме веков, в глубинах сознания каждого старожила. Они хранились на чердаках и в подвалах старых домов, запертых ящиках, сундуках и заколоченных шкафах. Каждое заброшенное здание имело свою страшную историю и сгоревшие некогда дома, земли под которыми десятилетиями никем не были востребованы (что сгорело, то сгорело, – никому не надо такого наследия). Напрочь заколоченные колодцы, заросшие боярышником и плющом поля и огороженные поваленными деревьями части окружающего город леса – все таило в себе нечто невообразимое, недосказанное, темное.

С наступлением темноты оживали самые потаенные страхи, заставляя сердце биться чаще, а кровь в жилах леденеть. И мало кто осмеливался выходить из своих домов после полуночи. В это неурочное время опасность могла таиться на каждом шагу, за каждой тенью могло скрываться нечто, готовое поглотить твой разум, запереть в клетку боли твоё тело и уничтожить душу.

Тьма была везде. Даже там, где горел свет, она всегда находила себе пристанище: в затемненном углу, под кроватью, внутри шкафов. И не было места, чтобы скрыться от нее.

Тайны этого города завораживали и пугали одновременно, обволакивая разум бархатной тканью и перетягивая ее колючей проволокой. Хранимые тьмой и мертвецами они никогда не покидали умы старожилов и плотно гнездились в душах новоселов. Десятки легенд и сотни историй как пепел оседали на улицах этого города, тяжелым грузом утягивая в вечность небытия.

Город хранил в себе тьму.

А тьма хранила город...

– Дина, это ты написала, – спросил Антон, глядя на пожелтевший лист формата А4 в своих руках. Он снова и снова пробегал глазами машинописные строчки, отпечатанные с полуторным интервалом, пытаясь понять мистический текст. И где-то в глубинах его сознания, он казался ему смутно знакомым, словно что-то хотело всплыть из старой забытой памяти. Но, сколько бы он его не перечитывал, разглядеть что-то сквозь мутные воды прошлого было невозможно.

Девочка лет тринадцати перестала рыться в своем рюкзаке и, перекатившись на вторую половину большой кровати, взглянула через плечо мужчины на листок.

– Да уж скорее, это ты в моем возрасте мог такое написать, – проговорила она и вновь вернулась к своему рюкзаку. – Пап, присмотрись, ему на вид четверть века, если не больше. К тому же, я печатные машинки видела только на картинках. А этот явно не на принтере распечатан.

– Тогда, откуда же он взялся? – проговорил Антон, не сводя глаз с текста. В висках появилась тихая, натужная пульсация, извещающая его о чрезмерной работе мозга – тревожный молоточек, бьющий по стенкам внутри черепа. «Хватит, этого нет в моей памяти», – говорило его сознание. Но, если он продолжал копать глубже, то приходили сильные головные боли.

– Пап, пора уже, – голос словно из далека.

– Мм? Да, – Антон аккуратно вложил листок в пластиковую папку с надписью «НАРАБОТКИ», и с нажимом помассировал ладонями виски, надеясь заглушить неприятную пульсацию. Но тревожный молоточек не унимался. И, взглянув на папку, он с каким-то отвращением, быстро закинул ее в дорожную сумку.

Стало легче. Но мысли не так просто успокоить, если источник возбуждения – тайна.

Что-то с этим листком было не так. Но что?

– У машинки, на которой он был напечатан, похоже, западает буква «н», она везде плохо пропечатана, – проговорил Антон, хотя это так же не давало ему никаких объяснений.

– И что? – Дина накинула рюкзак на плечо и встала в дверях комнаты. В ее взгляде читалось непонимание.

– Пока не знаю, – тихо сказал он, пожав плечами, взглянул на сумку, словно вспоминая, а был ли листок на самом деле?

– А где ты его нашел?

Все-таки был. Она же его видела. Но легче ему от этого

не стало, и он лишь вновь пожал плечами.

– Ты уверен, что нам все же стоит ехать? – медленно, словно подбирая слова, спросила девочка.

«Что сейчас твориться в твоей маленькой душе? – подумал Антон. – У меня такое ощущение, что я совсем перестал тебя понимать; в глазах грусть, а на лице словно и нет никаких эмоций. Что же с нами стало, Дина?»

– Тогда, нам пора, – так и не дождавшись ответа, сказала Дина. – Нам еще нужно, – на секунду она замялась, отвела взгляд от отца и уставилась на носки своих белых кроссовок. – Нужно перед отъездом к маме заехать.

Она так и не подняла взгляд. Просто стояла и ждала.

«К маме», – промелькнуло в его голове.

– Да, – тяжело выдохнув, Антон поднялся с кровати. Вновь заныли виски, а перед глазами поплыло, заставив его пошатнуться. Крепко зажмурившись, он сделал глубокий вдох. Стало легче, но ровно на столько, что бы он мог удержаться на ногах. – Я сейчас, – сказал он и прошел в ванную.

Включив холодную воду, Антон склонился над раковиной и ополоснул лицо.

В голове стало тише, и он взглянул на свое отражение в зеркале.

Неприятная волна мурашек прошла по его загривку от увиденного. На него смотрело осунувшееся и бледное лицо. Впавшие глаза не выражали ничего кроме усталости, а некогда карий цвет радужки потускнел, казалось, он сде-

лался грязным и серым. В коротко стриженных волосах появилась седина, ее еще немного, но тревожный звоночек уже нудит, что пора брать себя в руки.

Он еще несколько секунд рассматривал свое отражение, а потом с отвращением отвернулся от зеркала.

«Это не мое лицо. Неужели я на столько опустился?»

И стараясь более не думать ни о чем, он перекрыл воду и вышел из ванной.

Дина все так же стояла в дверях комнаты.

«О чем ты думаешь, Дина? – подумал он. – Такое ощущение, что ты стала другой... Но с того случая все изменилось».

– Ты все вещи собрала? – спросил Антон, пытаясь выбросить остатки ненужных мыслей.

– Все, что мне нужно, у меня здесь, – сказала девочка, указывая на свой рюкзак. – Это у тебя только несколько сумок с вещами, коробки с книгами и компьютером. Уже давно мог бы купить себе ноутбук, чтобы не таскаться с этой допотопной машиной, у которой монитор больше системника.

Губы Антона растянулись в грустной улыбке.

Он оглядел ставшую пустой комнату, на долю секунды задерживая свой взгляд на каждом более светлом прямоугольном пятне на стене, где еще недавно висели их общие фотографии. Покосился на стоящий у окна большой письменный стол, толстый слой пыли на котором четкими границами обозначил стоявшие там еще недавно предметы. Провел рукой по пустой кровати.

В глубине души зародились чувства печали и потери.

«Прошлое должно оставаться в прошлом», – мелькнуло в его голове.

«Но так ли это?» – вторая мысль.

«А к черту!»

– Идем, Дина. Нас ждет новый дом.

На его лице играла улыбка, но уверенности в своем голосе он не почувствовал.

2

На кладбище царила вечная атмосфера тишины и упокоения. От громкого пения птиц в прилегающей роще, в груди Антона разливалось умиротворение. А в купе с шелестящей листвой и тихим ветром, создавалось ощущение отрешенности и отдаления от внешнего шумного и быстрого мира.

И в то же время, где-то в глубине его души, селилась тяжесть, стоило ему войти на эти земли. Здесь, как нигде он осознавал свою смертность, сколь коротка может быть его жизнь, сколь хрупка и ненадежна его душа.

От подобных мыслей его руки покрылись мурашками, а по спине пробежал неприятный холодок.

Он не любил кладбища и старался посещать их как можно реже.

И сейчас ему нестерпимо захотелось уйти, убежать из этого проклятого, умиротворяющего места. И чем дальше, тем лучше. Но куда?

Место было. Но верил ли он в него? По крайней мере, он хотел в него верить.

– Пап? – Дина остановилась и взяла его за руку. – С тобой все в порядке?

Антон взглянул на дочь. В ее длинных светлых волосах играл ветер. Короткое летнее платье без рукавов подчеркивало ее стройную и вытянутую по-детски фигуру. Но ее тре-

вожный взгляд не был взглядом ребенка. В ее глазах читалась печаль взрослого человека.

– Что с тобой? Если не хочешь... Если тебе тяжело... – она с трудом подбирала слова, говорила тихо, почти шепотом. – Я могу сходить одна.

– Все... в порядке, – проговорил Антон, выплывая из своих мыслей.

Он попытался улыбнуться, но лишь почувствовал, как нелепо растянулись его губы. Своя улыбка показалась ему вымученной и высушенной, словно давно иссохший колодец, без надежды на восстановление.

Но сейчас перед ним стояла его дочь, красивая и печальная, и он должен был ее поддержать. Ради нее. Ради себя. Ради их общего будущего.

Он привстал на колени, что бы их глаза оказались на одном уровне, и, смахнув прядь волос с ее лба, тихо проговорил:

– Ты сейчас так похожа на свою маму. Словно в тот день, когда я впервые ее встретил. Правда, она была старше. Дина, знай, я люблю тебя.

Антон поднялся с колен и аккуратно, словно она могла осыпаться от любого, даже самого легкого прикосновения, поцеловал ее в лоб.

– Пойдем, нам нужно попрощаться с мамой.

Налетевший порыв ветра взъерошил его короткие волосы, хлопнул не застегнутым воротником его белой рубашки

и зашелестел целлофаном букета гвоздик в его левой руке.

Дина поправила ляжки рюкзака на своих плечах, и они продолжили идти по узкой тропинки вдоль окружавших их оградок с могилами.

«Как давно я здесь не был?»

Но он уже знал ответ.

Два года.

Два года с момента похорон.

Когда последняя горсть земли былакинута, когда отзвучали все молитвы и было уплачено за ритуал, он заперся в своей квартире, не желая никого видеть. Он опустил руки, послав к чертям все и даже самого себя. С ним осталось только его горе... и дочь.

Все это время Дина была рядом, ухаживала и заботилась о нем.

Антон корил себя за то, что оставил дочь одну, без поддержки, да еще и сам стал для нее обузой.

Но всю его вину почти полностью застилала пелена небытия, как и все эти два года затворничества и простоя в работе. Его память в это время была подобна «битому» файлу, который, при попытке открытия, заставляет виснуть всю «систему». В его голове эти «файлы» вызывали боль.

И, как следствие, он старался меньше зацикливаться на прошлом, даже том, которое помнил хорошо.

«Прошлое должно оставаться в прошлом», – постоянно повторял он.

Но верил в это не всегда.

И вот он решил сделать шаг и выйти навстречу этому миру. Как бы ни обстояли дела, нельзя убиваться горем вечно. Ему еще есть ради кого жить и ради чего стараться.

В это он верил твердо. И если не ради себя, то ради своей дочери.

Дина шла рядом, крепко держа его за руку. Шла статно, грациозно. И украдкой поглядывая на нее, Антон замечал все больше сходства с ее матерью. С каждым годом она становилась более похожей на Катю, и все менее на него. И лишь маленькая родинка слева на шее у них обоих, говорила о том, что она его дочь.

Впрочем, он никогда в этом и не сомневался.

Однако, не смотря на все замеченные им сходства, у него так и не получилось вспомнить улыбающееся лицо Кати.

Может, потому что и Дина не улыбалась?

А когда он в последний раз видел ее улыбку?

Но Антон не стал напрягать память. Ответ был прост: уже два года прошло с того момента, как в их разрушенной семье не было повода для веселья.

Два года.

Он подумал о том, во что за это время могла превратиться могила его жены. И, скорее всего, участок уже зарос полностью.

Антон видел множество запущенных могил. Иные зарастали по пояс, а то и выше. Не приметные, всеми забытые,

с канувшими в Лету мертвецами, – такие участки всегда вызвали в нем тоску. Порой, в каком-то безумии, он начал думать о том, каково это лежать здесь, покинутым всеми, в зарослях сорняков, скрывающих твой крест и имя.

Мысли были дикими и в чем-то не правильными, но они всегда сменялись злостью на тех, кто смел запустить и не посещать могилы своих родных, забывая их, или просто не имея желания сюда приходить.

И вот теперь он сам был повинен в забытии и увядании.

Два года...

– Пап?

Они остановились, и Антон вопросительно взглянул на свою дочь.

– Мы пришли, – тихо сказала она.

Она смотрела на него с легким удивлением, но в то же время, в ее взгляде было что-то пугающе взрослое и печальное.

С трудом оторвав от нее взор, Антон посмотрел на находящуюся перед ними кованую зеленую оградку.

Ровно половина участка в несколько квадратных метров густо заросла высоким сорняком. Но вторая половина оказалась ухоженной, с чистым холмиком могилы, обложенным молочным гранитом, и надгробной плитой.

Ожидая увидеть полностью заброшенный участок, он вполне мог пройти мимо, ничего не замечая под слоем своих мрачных мыслей.

– Ты зайдешь? – спросила Дина.

– Да, – почти одним шевелением губ ответил он.

Он отпустил руку дочери и открыл калитку. На мгновение удары его сердца стали глуше и слабее, а по всему телу пробежало легкое онемение.

Прикрыв глаза и сделав глубокий и спокойный вдох, Антон шагнул на прополотую недавно землю. И опустившись на колени, положил на надгробие цветы.

На глаза навернулись слезы. Он хотел заговорить, но его рот не открывался, а пересохший язык прилип к такому же высушенному небу. И лишь в голове вертелось только одно слово: «Прости».

Антон взглянул на надгробие. С овальной черно-белой фотографии на него смотрела улыбающаяся Катя.

Под рамкой было выбито:

ПОЛЕВАЯ ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА 1968 –
2000 гг.

А ниже:

ЛЮБИМОЙ ЖЕНЕ И ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ МАМЕ.

Антон вытер слезы, и, глядя на фотографию, с большим трудом прошептал:

– Прости, что так долго не приходил. Мне было так плохо без тебя.

Из его глаз пролегли новые соленые дорожки, стекая по щекам к губам и подбородку.

– Прости, я не должен был так поступать. Но, я не знал, что делать.

Он вновь вытер слезы и шмыгнул носом.

– Я... – он опустил взгляд, не в силах смотреть на фото, ощущая в душе вину за то, что собирался сказать. – А теперь я уезжаю. Мы с Диной пока проживем в другом месте. Мне это надо. Нам это надо. Чтобы прийти в себя. Чтобы вернуться к нормальной жизни.

Он еще раз провел пальцами у глаз, но они уже были сухими.

– Мы обязательно будем тебя навещать, – проговорил Антон. – Я не забуду тебя. Никогда. Ты слышишь, я люблю тебя, дорогая.

Он прикоснулся пальцами к своим губам, а потом к фотографии.

– Нам пора, – прошептал он.

Темно-серый «форд» Антона стоял на самом краю парковки. И все это время, возвращаясь с кладбища, они шли молча: мужчина тридцати восьми лет и маленькая девочка. Они шагали не спеша, взявшись за руки и в прискорбии склонив головы.

Жаркое августовское солнце вошло в зенит, раскаляя черный асфальт под ногами, делая его мягче и темнее. И только легкий ветерок, медленно подгонявший с востока несколько темных туч, обещал приятную свежесть ко второй половине дня.

Мужчина и девочка, казалось, не чувствовали ни жары, ни слабого дуновения. Впереди их ожидала изнуряющая дорога к новому дому.

Еще не дойдя до машины, Антон заметил прижатый к лобовому стеклу белый конверт.

– Что это? – спросила Дина.

– Похоже, что это от Смирнова, – проговорил Антон, вытаскивая из-под дворника конверт без каких-либо опознавательных знаков. – По крайней мере, это в его стиле.

Они сели в машину, и Антон вскрыл послание.

Внутри лежал сложенный вчетверо лист формата А4. Развернув его, мужчина отметил стандартный 12-й кегль Times New Roman с 2,5 интервалом.

«Я очень рад, что ты, наконец, вышел из комы.

Два года простоя – это, конечно, ни что для такого крупного писателя как ты, но все же может сказаться на твоём будущем, если ты не возьмешь себя в руки.

Я очень надеюсь, что твой родной дом примет тебя должным образом. Я постарался привести его в порядок к твоему возвращению. Прежние жильцы там особо ничего не меняли, но, сам понимаешь, что за двадцать четыре года многое могло измениться. В том числе, и сам город.

Буду рад, если ты черкнешь мне хоть пару строк из твоего нового романа. А, если у тебя еще нет идеи, то я твердо убежден, что она у тебя обязательно появится. Писательство – твоя жизнь. Не зарывай свой талант.

(тем более, что я с него кормлюсь)

Да, Антон, я знаю, что тебе сейчас крайне тяжело, но постарайся найти в себе силы.

За могилу жены не переживай, я буду продолжать о ней заботиться. Мне это совсем не в тягость.

Как твой литературный агент, я буду поддерживать тебя во всем. Тем более, что ты наконец сделал шаг из вчерашнего дня. Главное, не бойся бури.

Твой Л. А. С.И.»

– О какой буре он говорил? – спросила Дина.

– Не знаю, – ответил Антон, выводя «форд» на дорогу. – Но уж явно, не об этой.

Он улыбнулся и указал вперед, на надвигающиеся с востока тучи.

– Я надеюсь. – Добавил он. – Ведь мы едем прямо.

Глава первая

Картонная коробка

1

Дом выглядел обветшалым. Краска на облицовке выгорела полностью, делая строение темным и неприглядным. Деревянный конек двухскатной крыши прогнил и обвис по краям, совершенно не прикрывая стык шифера. Оконные стекла казалось не мыли уже несколько лет. Довершал картину потемневший и обросший мхом штакетник на заборе.

Широкие ворота открылись с трудом, громко треща поизносившимися досками, и закрылись, сильно покосившись в сторону двора.

«Возможно, в следующий раз створка просто отвалиться», – подумал Антон, направляясь к дверям гаража.

Слева от него располагался основательно заросший небольшой сад на три яблони и несколько сливовых деревьев. К нему примыкало небольшое строение с одним маленьким окошком: «Баня», – вспомнил Антон.

Гараж был частью длинной постройки, включавшей в себя дровяник, сарай для всякого рода утвари, и явно заброшенный хлев, где когда-то держали живность.

Чуть дальше располагался заросший травой участок, некогда бывший огородом.

Гаражные ворота открылись легко, словно кто-то, перед их прибытием, заботливо смазал петли.

Места внутри оказалось немного, но его «форд» вполне

мог поместиться, если убрать пару вещей.

Поднимая с пола коробки с инструментами и прочим хламом, казавшимся ему неинтересным, он ожидал прихода чувства ностальгии. Но, попытавшись что-то вспомнить, он почувствовал только надвигающуюся боль в голове, и сразу отбросил все мысли на потом.

Разложив на полки все, что было можно, он с любопытством взглянул на деревянный ящик, не уступающий размерам небольшого холодильника. Запирался он на большой навесной замок. Петли и пробой выглядели массивными.

«Что же внутри тебя заперли?» – подумал Антон.

Без всякой надежды, он дернул замок, и, как и ожидалось, он остался закрытым.

«Тебя не просто будет разбить. Но будем надеяться, что я найду от тебя ключи».

Ящик оказался увесистым, и вытаскивать его из гаража пришлось волоком. Сначала Антон хотел оставить его на улице, но, взглянув на темнеющее от туч небо, решил затащить его в дровяник.

И освободив, наконец, место, он заехал в гараж.

Дина вылезла из машины и встала чуть в стороне, наблюдая, как отец вытаскивает с заднего сидения коробки и аккуратно ставит их на землю у входа в дом.

Выйдя с последними сумками, Антон закрыл двери гаража.

– Я вот думаю, – серьезно произнесла девочка. – На твоей

связке ключей я вижу только один новый ключ, и он от гаража.

Антон сразу все понял, уставившись на новенький замок на двери в дом.

И с какой-то детской наивностью, он посмотрел на дочь. Но та лишь вопросительно вскинула брови и сложила руки на груди, ожидая дальнейших событий.

В отдалении послышался тихий раскат надвигающейся грозы. Прохладный ветер спешно прогонял накопившуюся за день духоту. А лениво клонящееся к закату солнце, уже с трудом было видно из-за туч.

Девочка еще выше вскинула брови и вопросительно покачала головой.

– У тебя нет ключа, – был ли это вопрос в ее голосе или укор, Антон не мог понять.

В его голове вертелось банальное: «И что теперь?»

– У тебя есть ключ от гаража, но нет от дома.

Голос Дины показался ему твердым, словно мать, отчитывающая своего ребенка за беспечность, готовую обернуться небольшой трагедией.

Антон глупо посмотрел на связку ключей в своих руках. Наивная надежда, что там обнаружится нужный, разбилась словно волна о скалы. Но еще он не мог вспомнить и того, когда его литературный агент, занимавшийся подготовкой дома, передавал ему хоть какие-то ключи. Он ни разу не появлялся на его пороге, лишь изредка бросая в его почтовый

ящик белые конверты.

– Хм, – сказал он, кладя ключи в карман, и направился к калитке.

– И куда ты?

Но Антон уже приоткрыл заднюю стенку почтового ящика. На дне лежал белый конверт, внутри которого обнаружился ключ и короткая записка на все таком же форматном листе: *«Думаю, он тебе пригодится. Твой Л. А. С.И.»*

2

Внутри их встретил запах затхлости и сырости. Словно в доме уже давно не было жильцов.

Но Смирнов писал ему, что дом пришлось выкупать у какой-то старухи, которая не сразу дала свое согласие. Поэтому, входя внутрь, Антон ожидал почувствовать запах совершенно иного рода – запах старости, быть может, даже запах смерти. Ему, почему-то казалось, что прошлая владелица уже пережила свое время. Возможно, ему хотелось так думать, что она уже собиралась на тот свет. Иначе получалось, что они просто выгоняют ее.

Антон мотнул головой.

«Если бы ей некуда было идти, то она бы не продала свой дом, – подумал он. – Мой дом, – другая мысль заняла его сознание. – Это всегда был мой дом. Просто...»

Вновь вернулась головная боль, предупреждая о «битых файлах» в его прошлом.

«Ничего, рано или поздно, но я что-нибудь да вспомню. Ведь я наконец вернулся».

– Не нравится мне здесь, – сказала Дина. – Что-то здесь не так.

– Не так здесь только твои неуместные комментарии по поводу нашего дома, Дина, – строго сказал Антон, и продолжил более мягко: – Все наладится. Мы еще приведем его

в порядок, и тебе здесь понравится. Вот увидишь.

Девочка ничего не ответила.

Они стояли посреди небольшой комнаты, служившей столовой, благодаря большому столу, который в данный момент был сдвинут в угол. Так же эта комната являлась проходной для всех остальных.

Справа за арочным порталом виднелась маленькая, но вполне уютная кухня с печкой. А прямо сквозь обычный прямоугольный проем была видна часть большого зала.

– Если правильно помню, – произнес Антон, – то здесь пять комнат, не считая коридора за нами. Столовая, кухня, на которой вход в одну спальню, зал и из зала проход во вторую спальню. Что ж, Дина, пока я заносу вещи, можешь везде включить свет, и выбрать себе комнату.

И пока девочка осматривала дом, Антон заносил сумки и коробки с одной мыслью: «Надеюсь, что у нас все получится».

За окном разогревалась гроза, с каждым раскатом становясь все громче и ближе. Дождя еще не было. Но разошедшейся уже во всю ветер, разносил по дому гулкие и тревожные звуки, всем своим воем обещая нагнать необходимое количество туч для хорошего ливня.

От ветра в некоторых окнах звенели не плотно прижатые стекла. И этот звук создавал в душе Антона чувство уюта, некоего таинства, доступного только в своем деревянном доме. Такого он никогда не ощущал в квартирах больших городов. Все они были лишь временным жильем, пока Катя не забеременела. Тогда они решились на покупку своей квартиры. Но и та всегда казалась ему простой бетонной коробкой.

Он много раз предлагал Кате купить дом. Настоящий, деревянный, со всеми огрехами скрипящих полов и гуляющего на чердаке ветра. С запахом затапливаемой печи, и закутыванием в теплый плед долгими зимними вечерами.

Но она всегда была приверженцем городской жизни и не хотела менять привычную ей квартиру на требующий постоянного внимания дом.

«Что ж, – подумал Антон, прислушиваясь к звону стекла, – я надеюсь, ты за нас порадуешься. Даже несмотря на то, что ты бы никогда не согласилась переехать сюда».

Из зала донесся звук телевизора. Шли вечерние новости.

Отвлечшись от мыслей, Антон перенес часть коробок в оставшуюся для него комнату, которая выходила на кухню.

Скудный интерьер спальни словно изначально предполагал немногочисленный багаж нового жильца: старая еще сетчатая кровать-двуспалка с перьевым матрацем у одной стены, большой книжный стеллаж у противоположной, и между ними под окном, выходящим на дорогу, старый письменный стол и деревянный стул. Судя по виду, стол некогда был обтянут кожей или сукном, о чем говорили набойки по краям столешницы, которую потом просто покрыли темной морилкой.

– Привет, старичок, – произнес Антон, проводя рукой по шершавой поверхности стола. – Надеюсь, мы подружимся. Нам предстоит много работы.

Он взглянул на коробки с компьютером.

– Однако, о чем писать, я пока не знаю. Надеюсь, у тебя есть свои истории, дружище, – обратился он снова к столу. – Ты же мне их поведаешь?

На долю секунды комната озарилась ярким светом, отбрасывая на пол и стены четкие смоляные тени. А в следующее мгновение весь дом содрогнулся от мощного раската грома. Зазвенели стекла. Мигнул свет.

Из зала донеслось шипение потерявшего сигнал телевизора.

И в наступившем на миг спокойствии, Антон услышал, как первые робкие капли дождя ударились в оконное стекло.

А уже через секунду по дому начала разноситься целая барабанная дробь, разразившегося снаружи ливня.

– Телек сдох! – крикнула из зала Дина.

– Ну так выключи его, – ответил Антон. – В такую погоду не мудрено и без света остаться.

И словно в довершение его слов, дом погрузился в темноту.

– Ну вот блин! – донесся детский голос.

«Вот уж и вправду», – подумал Антон.

– Ты успела заправить кровать? – спросил он.

– И что теперь, ложиться спать?

– А ты что-то можешь делать в темноте?

– Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, – ответил Антон

4

Утро показалось ему бесшумным, не сравнимым с суетой большого города.

Просыпаться не хотелось. Непривычно мягкая, проваливающаяся словно гамак кровать, требовала продолжение их «бурной» ночи.

Но и сон не хотел отпускать.

Странные, до боли тревожные видения настойчиво витали обрывками в его голове, нороя вновь утянуть страну Морфея.

Антон чувствовал, что уже светло, но вставать не торопился, лишь сильнее зажмурил глаза. Ему хотелось вспомнить детали сна. Хотелось понять, почему он вдруг оказался ему настолько важным. Почему где-то глубоко внутри остался осадок горечи и чувство липкого пронизывающего страха.

Во сне он был с теми, кого когда-то потерял...

«Почему так тихо?» – вдруг подумал он.

И остатки сна, словно хрупкое стекло, разлетелись по самым темным закоулкам его не менее хрупкой памяти.

Поняв, что больше ничего не восстановить, Антон открыл глаза.

Некоторое время он созерцал незнакомый, пожелтевший от времени потолок, пытаясь разогнать свои мысли до необ-

ходимой для работы скорости.

– Мы же переехали, – улыбаясь произнес он и взглянул на окно. – Больше никакого шума мегаполиса. Только тишина и спокойствие.

На мгновение к нему вернулось ощущение от сна, и улыбка сошла с его лица. Неприятное липкое чувство заполнило его грудь и кольнуло сердце.

Антон зажмурился и выдохнув все, что было в легких, подумал: «К черту сон. Прошлое должно оставаться в прошлом».

Он соскользнул с кровати и подойдя к столу, выглянул в окно.

Погода держалась пасмурная. Тяжелые свинцовые тучи полностью покрывали всю видимую из окна часть неба, предвещая еще до полудня новую порцию осадков. Ветер мерно качал кроны стоявшего в отдалении лесного массива. На дороге выступали зеркальные глади луж.

В комнате было прохладно, стояла сырость после ночного дождя.

Поежившись, Антон залез в дорожную сумку и выудил из нее серый махровый халат. Накинул его на себя и ощутил всю ту же сырость. Но он, по крайней мере, должен был начать греть раньше, чем дом.

И с этими мыслями, зевая, он вышел на кухню.

Дина сидела в столовой.

Стол уже был выдвинут из угла и накрыт чистой бело-

снежной скатертью, вокруг расставлены четыре стула.

– Вот, – сказала Дина, передвигая к противоположному концу стола тетрадный листок с обычным почтовым конвертом, – это было к холодильнику на магнит прилеплено.

– Что такое, у Смирнова закончились его белые конверты? – спросил Антон.

Он сел и взял в руки листок.

– Это не от него, – ответила Дина. – Кофе будешь?

– Конечно, хоть согреюсь, – с улыбкой произнес он и принялся читать письмо.

«Здравствуйте!

Полагаю, мы лично не знакомы. Впрочем, так ли уж это важно.

Прошло уже 24 года, как я здесь поселилась. Странные дела тогда творились в этом городе. И вот пришло время, когда я смогу покинуть этот дом. К слову сказать, я никогда и не ощущала его своим, он всегда был вашим по праву наследования.

Хочу, чтобы вы знали, что за это время мало что поменялось в вашем доме. Я ничего не перестраивала и не выкидывала.

Некоторые ваши личные вещи сложены в большой деревянный ящик в гараже. Правда, ключ от него я потеряла, но, думаю, вы найдете решение этой маленькой проблемы.

Были и другие вещи. И мне показалось очень странным,

что вы их оставили. Полагаю, что для вас они будут достаточно ценны. И выкинуть такое я не могла. Я все аккуратно сложила в коробку. Ее вы найдете на чердаке.

Вот, пожалуй, и все, что следовало сказать.

Надеюсь, вы не найдете этот дом настолько увядшим, каким он может показаться с первого взгляда. Он ждал вас, находясь в полудреме. И теперь, когда вы вернулись, он задышит с новыми силами. Ведь дома всегда требуют много внимания, а я не могла дать ему того, что можете дать вы.

К тому же как писатель, вы найдете интересными здешние истории и легенды, которыми полон этот городок.

К слову сказать, что соседей у вас нет так же с 1978 года, так что никто не будет вам мешать. И вообще, эта улица довольно тихая.

Может, это, конечно, все связано со слухами.

Впрочем, это всего лишь слухи, не более.

P.S.: Сочувствую вашей утрате. И желаю всего наилучшего. Жизнь на этом не останавливается, и вы еще обретете новую семью.

Прощайте».

– Много написала, да? – сказала Дина, ставя горячую кружку с кофе на стол. – Достаточно-то было сказать, что то-то там, а то-то там. Странная она какая-то. Как и сам дом.

Мне только интересно, а что в коробке.

– Даже не представляю, – Антон сложил листок и вложил его в конверт. – Я почти ничего не помню из своего детства. А после смерти родителей... – и снова пришла головная боль, но в этот раз он и не пытался что-либо вспомнить. Он прекрасно знал, что вся его жизнь в этом городе – это закрашенный черным лист. – Я помню только больницу, – он потер пальцами виски и сделал большой глоток обжигающего кофе. – За мной приехала тетя Таня и увезла в другой город. С ней я и прожил все оставшееся детство. И ни разу сюда не возвращался.

– Тогда, почему ты сейчас сюда вернулся? – ее голос показался Антону очень серьезным, взрослым и от того пугающим.

– Дина...

А что он мог сказать? Ностальгии он не испытывал. И до смерти жены ни разу не задумывался о том, чтобы посетить места своего детства. Просто в один момент ему эту идею подкинул Смирнов и он согласился.

Дина покачала головой и молча ушла в свою комнату, оставив его в одиночку разбираться со своими мыслями.

И он думал о том, что его никогда не посещала мысль вернуться сюда.

Когда-то он еще пытался вспомнить свое детство, своих родителей. Но это всегда приносило лишь головную боль, порой, настолько сильную, что он терял сознание, а из носа

шла кровь.

Он всегда понимал, что так быть не должно. Но и к специалистам обращаться не желал. В итоге, он остановился на мысли, что всему виной была его детская травма, из-за которой он и оказался в той больнице.

«У тебя было сильное сотрясение», – рассказывала ему тетя, лишний раз не желая касаться этого вопроса.

А о смерти родителей говорила, что они погибли от удушья газом в доме.

Но последнему он никогда не верил. А все его попытки уточнить эту причину, заканчивались ее слезами и последующим молчанием с протрацией на несколько дней.

В итоге он сдался и просто забыл.

Кофе остыл, и последний глоток оказался противным.

Поморщившись, он взглянул в окно, выходящее во двор. Его внимание привлекла распахнутая дверь в дровяник. Неужели он забыл ее закрыть?

«Но может, ее распахнуло ветром, – подумал он, всматриваясь в серую полутьму проема, откуда выглядывал уголок ящика. – А крючок тоже ветром открыло?»

Но последняя мысль показалась ему уже неинтересной.

Он осматривал двор, вновь и вновь возвращаясь взглядом к дверному portalу с ящиком.

«Что же там?» – но эта мысль принесла с собой то противное и липкое, что он почувствовал, пробудившись от уже забытого сна.

Неприятная дрожь пробежала по всему телу, заставив отвести взгляд от окна.

– Ладно, я до тебя еще доберусь, – проговорил он и отправился в свою спальню.

Одевшись, он распаковал свои вещи.

Поставил на стол компьютер и подключил его. Но в системном блоке не раздалось привычного шуршания вентиляторов, и монитор не загорелся.

– Черт, до сих пор света нет, – плюнул в сердцах Антон и продолжил разбирать коробки.

Он выложил папки с бумагами и разложил их по ящикам. Папку с надписью «НАРАБОТКИ» положил справа от монитора. Расставил на краю стола словари и справочники, так необходимые ему в работе. Старый и потрепанный уже словарь синонимов, доставшийся ему в качестве приза за лучшую новеллу в жанре «драма», по мнению сайта «Писатели», лег по правую руку. Этот словарь он считал самым ценным инструментом в своем деле, потому что часто грешил повторениями. Рядом с ним встала рамка с фотографией жены, черно-белая копия которой была на гранитной плите.

И оглядев рабочее место сел за стол.

Монитор пришлось сдвинуть левее, так как он своими габаритами ощутимо загораживал обзор из окна. А то, что он видел на улице – ему нравилось.

Через не асфальтированную, покрытую большими (и явно глубокими) лужами дорогу находился не возделанный участок, огороженный забором из тонкого штакетника. За ним

проглядывалась гладь пруда. А дальше стоял лес.

Глядя на этот пейзаж, Антон представил себе, что его дом находится далеко за чертой города, что до ближайшего поселения несколько километров. И эта тишина, и это место принадлежат только ему.

Место, где можно добиться творческого уединения, и писать, не боясь, что тебя побеспокоят. А не это ли главное в жизни мечтающего писателя?

– Что ж, может быть здесь я действительно вернусь на арену беллетристики. И как знать, – он усмехнулся, – может я создам бестселлер.

Заметив движение на дороге, он вновь выглянул в окно.

Серую картину дня разбавили пятеро ребят, бегавших в сапогах по лужам. Они громко смеялись и о чем-то переговаривались. Один из мальчиков взглянул в его сторону и замер. Его губы что-то прошептали, и теперь уже пять пар глаз смотрели на его дом.

Антон встал из-за стола и отошел в сторону.

Что-то знакомое показалось ему в их поведении. А может и в них самих. Но в этом городе он никого не мог знать, – слишком много прошло времени.

24 года.

И все же его память подернулась мутной и тяжелой пеленой, под которой что-то было. И это что-то осязаемой тяжестью осело в его груди. Он подумал о сегодняшнем сне, о его возможной связи...

Связи с чем? С этими ребятами?

Но ответов он не знал. А память продолжала молчать, терзая его мнимыми чувствами, отголосками забытого эха.

Пришла головная боль. В глазах потемнело, и Антон сел на кровать, сжимая виски ладонями. И так всегда: любая попытка вспомнить далекое прошлое, и мозг говорит хватит.

«Но что же, черт возьми, они могли мне напомнить?» – но он уже не хотел этого знать.

Гоня все мысли прочь, он пытался успокоиться. И когда боль ушла, он взглянул на окно и прислушался.

Никаких детских голосов не было.

Поднявшись с кровати, он подошел к столу и выглянул на улицу. Дорога была пуста. Теперь те ребята казались ему наваждением.

«А был ли мальчик?» – вспомнилась ему видоизмененная цитата из книги Горького.

– Может, мальчика-то и не было совсем? – проговорил он и задернул плотные пыльные шторы.

Комната погрузилась в полумрак.

– И что теперь?

«Может, выпить?» – казалось, что эта мысль ему не принадлежала, но Антон счел ее вполне разумной и вышел из комнаты.

Порывшись на полках, он нашел бокал, а в одном из ящиков десяток свечей.

«Думаю, не ошибусь, если скажу, что отключение света

здесь в порядке вещей».

Вернувшись в комнату, он убрал с центра стола клавиатуру и поджег фитили. По обеим сторонам от монитора, он накапал воска прямо на столешницу, и прикрепил на них свечи.

«Кошунство, – мелькнуло в его голове. – Да и хрен с ним».

Антон достал привезенную с собой бутылку красного вина и, поставив ее на стол, вновь погрузился в коробку, на ощупь ища в ней штопор. Долго искать не пришлось: неприятный укол в палец выдал местоположение нужного объекта.

Сев за стол, мужчина откупорил бутылку и налил полный бокал бордовой жидкости. Он сделал пару больших глотков и, отставив бокал в сторону, вынул из верхнего ящика пустую тетрадь и ручку. Положив их перед собой, он придвинул ближе папку с надписью «НАРАБОТКИ».

Тяжело вздохнув, он тоскливо уставился на черный экран монитора, в котором отражалось пламя обеих свеч.

– Все же стоило купить ноутбук, – чуть слышно проговорил он. – Что ж, вспомним былые времена, когда тебя, дружище, – он похлопал ладонью по монитору, – не было и в помине.

«Только писать-то мне пока и не о чем», – пронеслось в его голове, и тоскливый взгляд упал на лежавшую перед ним папку.

– Вот странно, – Антон сделал глоток вина. – Здесь идей

на пол жизни хватит. Вот только не хочу я за них браться. Они кажутся прошлым. А прошлое...

«...должно оставаться в прошлом, – закончил он мысленно. – Что же ты, дурак, опять сам с собой болтаешь? Хотя бы, давай уже по делу. Нужно придумать хорошую идею. Нужен новый сюжет».

Антон закрыл глаза.

«Вообще-то, ты решил выпить. Хотя, одно другому не мешает».

– Если ты только можешь еще писать.

Это были самые страшные слова, которые он всегда боялся себе произнести. Он считал писательство смыслом своей жизни, единственной отдушиной в тяжелом и, порой, несправедливом мире.

К тому же, оно давало неплохой доход, а представить себя у станка ежедневной работы с обязательствами и выбитым на лбу словом «Должен» он не мог. Да и куда бы он пошел с неоконченным высшим литературным образованием?

Нужно было действовать, – два года простоя заметно ударили по его карману. Ведь не для того он потратил последние сбережения на переезд, чтобы остаться литературным бомжом.

Сделав пару больших глотков и почувствовав приятный легкий дурман, Антон отставил бокал в сторону.

– За дело.

Он открыл папку и замер. Поверх всех его записок и за-

меток лежал пожелтевший от времени лист формата А4.

«Про тебя-то я и забыл, – подумал мужчина. – И откуда же ты взялся?»

Он взял лист в руки и пробежался по тексту взглядом, вновь отмечая не четко пропечатанные буквы «н». Потом взглянул на фотографию жены.

– Это ведь не ты писала? – спросил он. – Сомневаюсь. Да и ему уже много лет. – Он вновь перевел взгляд на текст. – Так откуда же он у меня? Ты только послушай: «Этот город таил в себе множество тайн, скрытых глубоко во тьме веков, в глубинах сознания каждого старожил». И как тебе? Помоему, не дотягивает. Но все же... – Коротко взглянул на жену и вернулся к тексту. – Что-то в этом есть. Перебор, конечно, с поглощениями и клетками для тел; это достойно юнца. Но мне нравятся последние строчки. – Антон громко прочистил горло и таинственно зачитал: – «Город хранил в себе тьму. А тьма хранила город»...

«Пожалуй, этим можно воспользоваться как идеей, – Антон осушил бокал и вновь наполнил его. – Катя. Катенька, – он взглянул на фотографию. – Как же мне тебя не хватает».

И вслух:

– Я люблю тебя.

Он отвел взгляд от улыбающейся девушки и попытался сосредоточиться на тексте.

Что-то знакомое ему показалось в «сгоревших домах», «заколоченных колодцах» и «заросших полях», словно это

все описывало места, в которых он когда-то побывал.

В висках появилась пульсация.

Короткие волны накатывали с каждым ударом сердца, давя на череп и отдаваясь где-то глубоко внутри. В ушах начал нарастать, пока еще еле слышный монотонный свист. Текст перед глазами поплыл и строчки превратились в размытые линии.

За окном раздались приглушенные детские крики и смех.

По спине Антона пробежал холодок – словно сквозняк из приоткрытой двери. Тело пробил озноб. Голова закружилась, и он чувствовал, что вот-вот упадет в обморок.

Свист в ушах стал сильнее, продолжая набирать силу, но сквозь него, перед тем как провалиться в пустоту, он услышал, как дети за его окном запели:

*Отдай свой страх и ужас,
Отдай мой страх и ужас,
Давай побудем мы вдвоем.
И, если хочешь выжить ты,
И, если хочешь выжить ты,
Если хочешь выжить в мире золотом...*

Очнулся он на полу с болью в плече. Все тело ныло, словно отлежанная рука. В висках все еще слабо пульсировало, но на подобное уже можно было не обращать внимания.

В комнате горел свет.

С зала доносился звук телевизора.

«Цивилизация вернулась», – коротко подумал Антон.

Он перевернулся на спину и помассировал правое плече. Боль утихала, но полностью сдавать свои позиции не собиралась. И, собравшись с силами, попытался встать. Ноги дрожали, а по телу разливалась слабость.

С трудом поднявшись, Антон сразу сел за стол.

Свечи догорали, изрядно налив воска на столешницу.

– Что-то долго я провалялся, – он взглянул на ополовиненную бутылку и почти пустой бокал. – Да не мог я так надраться с такого объема, – и осушил бокал до дна.

Приятное тепло согрело желудок, а пульсация в висках стала тише.

«И что же, черт побери, произошло?» – подумал он, задувая свечи.

Мысли путались и не желали увязываться в единую цепочку. А в голове вертелся странный мотив. Мелодия казалось до боли знакомой, но шла ли она под музыку, или пелась а-капелла?

Виски вновь налились свинцом. Появилось легкое чувство дурноты.

«А-а! Хватит! – подумал он. – Не хочу вспоминать!»

Его взгляд упал на пожелтевшую страницу, лежащую поверх папки.

– Чертова песенка. Чертовы колодцы, – сквозь зубы проговорил Антон. – К черту!

Он быстро убрал бумаги в ящик и налил вина до краев.

«Интересно, если я вспомню все – я умру или излечусь?» – подумал он и в три больших глотка осушил бокал.

Боль утихла, а мысли начали обретать четкость.

«Так, мозговой штурм не удался – ни идеи, ни сюжета. Нормально выпить тоже не удалось – в голове по-прежнему пусто. И каковы же итоги? – его взгляд остановился на свечах. – Заляпанный стол!» – констатировал он и, встав со стула, направился к двери.

В зале никого не было, лишь впустую работал телевизор, показывая одну из многочисленных бессмысленных передач. Под потолком приглушенно горела половина люстры; три, не испускавших света лампочки, изнутри покрывала копоть.

От порыва ветра звякнуло стекло, и Антон взглянул в сторону окна. Небо все еще окутывали темные тучи, но тяжелой свинцовости в них не наблюдалось.

Оторвавшись от созерцания неприветливых облаков, Антон сделал звук телевизора тише и постучался в спальню до-

чери. Но ответа не последовало.

Приоткрыв дверь, он заглянул внутрь.

Кровать была аккуратно заправлена. Небольшой письменный стол блестел пустотой, а на стоявшем рядом стуле висел рюкзак. Коробка с вещами отсутствовала, но заглядывать в шкаф он не стал, и без того понимая, что все уже разобрано и разложено по полкам. И больше ничего и никого.

Закрыв за собой дверь, Антон прошел в столовую.

– Дина! – позвал он.

С потолка слышалось легкое бум-бум-бум, а следом за скрипела чердачная лестница в прихожей. И через пару секунд входная дверь распахнулась, впуская девочку в коротком летнем платье.

– Ты меня звал? – спросила она.

– Да так... – Антон не нашелся что сказать и лишь потер ушибленное плечо.

– Ты что спал? – Дина прищурилась, внимательно вглядываясь в его помятое лицо. Подошла ближе, принялась.

«Совсем как Катя», – пронеслось в голове.

– Еще и пил, – с наигранной ехидностью произнесла девочка.

Антон почувствовал, что его лицо пылает от нахлынувшего вдруг стыда.

– Я...

– А вот я нашла ключ от чердака. Посмотрим, что в коробке? – на ее лице уже играло детское любопытство. – Пока

есть свет. Неужели тебе не интересно?

– А почему бы и нет? – ответил он, но себе признался в том, что просто забыл об этой коробке. И еще его тревожили забытые воспоминания, которые могли принести новые приступы боли.

В голове стало пусто. Для чего ему эти вещи? Его память всегда упорствовала, не желая возвращаться, и если что-то ее бередило, то она приносила больше проблем, чем пользы. Его детство всегда было «битым файлом» в системе, только перед глазами возникал не «синий экран смерти» Windows, а белая пелена, за которой следовал...

Провал.

Это прочно сидело в голове Антона и никогда не требовало напоминания и переосмысления. И потому своего пошлого он больше боялся, нежели хотел его вернуть. Он прекрасно жил и без него.

Но сейчас оно вторгалось в его жизнь словно волны океана на пустой песчаный берег во время прилива. И ему оставалось надеяться, что следом не придет цунами.

Лестница под ним надсадно заскрипела, возвращая его в реальность. Люк уже был откинут. На чердаке горел свет.

– Она тяжелая, – проговорила Дина, встречая отца наверху.

Пол был засыпан опилками и только большую печную трубу обрамлял песок. В дальнем углу под самым сводом крыши стояла старая прялка, ее большое колесо было снято и лежа-

ло рядом. В метре от нее стояли несколько пластиковых продуктовых ящиков с пустыми стеклянными банками. Тут же на боку валялась большая кастрюля со змеевидно скрученной трубкой внутри. Из самой тьмы противоположного угла выглядывал бидон.

«Может открыть частный завод самогоноварения?» – усмехнулся про себя Антон.

У фронтона двухскатной крыши валялись наполовину разбитая люстра, мотки проводов, открытые ящики с покрытой плесенью одеждой, не разобранный полуметровая искусственная елка, открытая коробка новогодних игрушек и стопка пустых льняных мешков. На натянутых меж стропилами веревках висели древние березовые веники для бани.

А в двух метрах от люка стояла картонная коробка из-под старого лампового телевизора.

Поверх коробки лежал пожелтевший и покрытый пылью лист формата А4 с машинописным текстом.

Девочка проследила за взглядом отца и, пожав плечами, сказала:

– Она так и лежала, когда я ее нашла.

Холодный острый щуп кольнул сердце Антона, выпустив мириады мурашек на груди. На секунду его дыхание остановилось, а в голове промелькнул образ пожелтевшей страницы, найденной в квартире.

«Да что может быть между ними общего», – выдохнул Ан-

тон и, пытаясь выбросить лишние мысли, подхватил коробку, придавив листок подбородком.

– И правда, нелегкая, – сказал он и улыбнулся девочке.

Они расположились в центре зала, на толстом пахнущем сыростью темно-сером ковре, рядом друг с другом. Коробка стояла перед ними.

Антон не спешил заглядывать внутрь. Он чувствовал, как его сердце монотонно, но с большой силой бьет в груди, отдаваясь гулким эхом в висках. Тревога и любопытство (а оно все же проснулось, пока он спускал коробку с чердака) сменяли друг друга с каждым ударом в грудной клетке.

Он уже не боялся того, что может там увидеть, но понимал, что память так просто ему не дастся.

Было еще одно чувство – волнение; смутное, сумбурное желание заглянуть за кулису и открыть, наконец, «ларец с тайнами».

– Пап?

Антон вздрогнул, все мысли разом развеялись в его сознании, осев пыльным смятением где-то глубоко внутри.

Девочка вопросительно вскинула брови.

Мужчина улыбнулся и аккуратно отложил пожелтевшую страницу в сторону, поборов желание взглянуть на текст. И, сдув пыль с коробки, открыл ее.

Внутри лежало семь картонных коричневых папок с типографской надписью «ДЕЛО №» и четыре блокнота. А под ними на дне коробки находилась красная пишущая машин-

ка. На верхней панели слева на белой пластинке стояла надпись «UNIS», а справа на более тонкой пластинке значилось «tbm de Luxe».

– Нифига себе, – проговорила Дина, осматривая поставленную перед ней машинку. – Вот это древность. А она, вообще, работает?

Девочка нажала на клавишу «п». Литера с этой буквой вышла из своего ряда и приблизилась к черному валику, остановившись в полутора-сантиметрах от него.

– Ну вот, сломана, – пробубнила она.

– Почему же, – Антон быстро и с необходимой силой нажал на первую попавшуюся клавишу и литера стукнула о валик. Раздался щелчок, и станина сдвинулась влево. – Все в порядке. Просто ударять надо сильнее. Это тебе не «клава» от компа. Никакой нежности. Хотя, и перегибать тоже не стоит.

Девочка стукнула по нескольким клавишам.

– Так и пальцы отбить можно, – пробурчала она и, отвернувшись от машинки, взяла одну из папок. – А что здесь?

– Мне кажется, что в них мои детские рукописи, – неуверенно сказал Антон, открывая папку. – Мне тетя говорила, что я еще с детства пытался писать. Правда, я этого совсем не помню.

Внутри лежала тонкая тетрадь на двенадцать листов. На ее обложке, выцветавшими от времени чернилами, было написано: «*Сумричный лес*». Внутри все листы были сплошь ис-

писаны мелким корявым подчерком. Все строчки заходили за поля, каждая страница была пронумерована в нижнем углу.

В блокнотах обнаружались неумелые рисунки и множество записей, которые были пометками к уже написанному и описанием не реализованных идей. Пролистав пару из них, Антон отметил не менее дюжины идей к романам, уже имевших готовые названия.

«Нормально, – подумал мужчина. – Не так уж и глуп был в детстве. И „мозговой штурм“, похоже, отменяется. Думаю, что здесь есть за что зацепиться, нужно только оформить более конкретнее».

– Понятно, – девочка встала на ноги и заглянула в пустую коробку. – Сейчас ты опять с головой уйдешь в свою работу и, как говорила мама: «Выпадешь из этого мира надолго». Мне вот только интересно, – она внимательно посмотрела на отца, – почему ты это все здесь оставил?

Антон оторвался от записей и взглянул на дочь.

– Не знаю, – проговорил он, пожимая плечами. – Собственно, а был ли у меня выбор? После того как тетя Таня забрала меня из больницы, я не помню, чтобы мы сюда заезжали.

– Странно, что ты не помнишь, – серьезно сказала Дина. – Может ты головой ударился, в ДТП попал? Почему ты лежал в больнице?

Антон лишь пожал плечами.

Он собрал папки в стопку, поверх которой уложил блокноты.

– Твоя мама задавала мне те же вопросы, Дина, но... – он вновь пожал плечами. – Мне тетя Таня об этом ничего конкретного не говорила.

– А ты сам-то у нее спрашивал?

«Как же она похожа на Катю, – пронеслось в его голове. – Даже вопросы одни и те же».

– Нет, – проговорил Антон. – Не было причин спрашивать. Мне всегда хватало того, что было в настоящем. А когда вопросы все же появились, то было уже не у кого спрашивать, потому что тетя Таня умерла.

Девочка поджала губы и отвела взгляд.

– Ладно, – Антон попытался улыбнуться, но вышло плохо. В голове звенело – мысли о прошлом давали о себе знать. – Пойду пересмотрю, что я понаписал в детстве.

Дина ушла в свою комнату, а Антон понес папки в свою.

Детские рукописи ему пришлось положить на стул, так как сначала требовалось прибрать на столе. Початую бутылку вина он отнес на кухню и поставил в холодильник, а бокал лег в раковину. Порывшись на полках, он нашел пустой целлофановый пакет и, прихватив с собой нож, вернулся в комнату, чтобы соскрести воск с остатками свечей.

И вскоре папки легли на стол.

Но оставался еще вопрос, куда поставить пишущую машинку. Убирать ее обратно на чердак он не хотел. Все же

когда-то он на ней работал, хоть и не помнит этого сейчас, и ностальгия брала верх.

Он взглянул на большой стеллаж с книгами. На второй полке снизу у двери, было достаточно места, если убрать пару книг. Что он и сделал. Два издания Дюма перекочевали на полку выше и легли поверх плотно заставленных собратьев. А машинка втиснулась на отведенное ей место.

Довольный собой, Антон коротко взглянул на папки и вышел на кухню.

– Дина, мы ведь не завтракали, да и обед уже пропустили! – громко сказал он.

– А я и не голодна, – ответила девочка. Она прошла в столовую, села за стол и взглянула на отца. – К тому же, и готовить-то особо не из чего. Твой Смирнов совсем о нас не позаботился. Пачка макарон на верхней полке справа над плитой, да десяток сосисок в холодильнике с пачкой майонеза. Зато кофе завались на соседней полке с макаронами.

Антон улыбнулся.

– Завтра я съезжу в магазин и куплю чего-нибудь более разнообразного. А сегодня макароны.

– От плиты, кстати, газом несет. Проветри сначала, прежде чем зажигать, – и девочка вновь ушла в свою комнату.

Когда вся приготовленная еда была съедена, а последняя вымытая тарелка легла на свое место, Антон в нетерпении зашел в свою комнату.

На столе, спокойно дожидаясь его, лежали папки и блокноты. За двадцать четыре года с ними ничего не случилось, и они вполне могли пролежать еще столько же. Вот только Антон более ждать не мог.

На секунду промелькнула мысль, что не стоит беречь потерянную память (прошлое должно оставаться в прошлом), что это ничего не даст, а только принесет новые вспышки боли. Но папки манили. В отличие от того, что было в его голове, что он считал «битыми файлами», эти бумаги были реальными, осязаемыми и видимыми носителями информации. И что бы ее извлечь, не требовалось напрягать извилины где-то «закоротившего» мозга, достаточно было просто прочитать.

Дрожа от предвкушения, Антон сел за стол.

Он отложил блокноты в сторону и разложил папки перед собой. Каждая была пронумерована.

В первой лежали несколько тетрадных листов, полностью покрытых мелким подчерком. Паста от времени выцвела и приобрела светло-сиреневый оттенок. Пробежав взглядом по строчкам, Антон понял, что не везде может разобрать

свой детский подчerk.

«Ладно, расшифровкой займемся позже», – подумал он и улыбнулся.

Отложив первую папку, он взял вторую.

Внутри были такие же вырванные из тетради и полностью исписанные листы.

В третьей уже лежала целая тетрадка и несколько маленьких листков с пометками.

В четвертой и пятой добавились белые листы формата А4 с отпечатанным на машинке текстом.

Шестая оказалась пустой.

– И какого? – проговорил он, осматривая папку со всех сторон. – Ни пометки, ни заметки. Хм, – он заглянул в седьмую. – Здесь начатый рассказ.

Он вновь взглянул на папку №6.

«Так, почему же ты пустая?»

За спиной скрипнула дверь, заставив Антона вздрогнуть от неожиданности.

– Ты чего? – спросила Дина, входя в комнату.

– Да так, задумался.

– Ты забыл, – и она положила на стол пожелтевший от времени лист с машинописным текстом. – Коробку я вынесла.

Девочка коротко взглянула на папки и, ничего больше не говоря, вышла, прикрыв за собой дверь.

Когда листок лег на стол, внутри Антона что-то сжалось, а в голове стало пусто. Слова дочери он слышал, словно они

доносились из другой части дома, а о том, что она ушла, заметил только когда закрылась дверь.

Вернулось тревожное чувство, отдаваясь в висках отдаленным боем. А где-то посреди пустоты в его голове зазвучал странный мотив. Он казался знакомым, но Антон знал, что слова утеряны, и вспоминать их совсем не хотелось.

Взяв лист в руки, он заметил, что его пальцы дрожат.

«Что за бред, – подумал мужчина. – Это что страх? Из-за этой сраной страницы? Бред».

Тьма – как нечто материальное. Не отсутствие света, а словно вырванная из него плоть, кровоточащая ослепительной чернотой. Зияющая рана на теле пространства.

Словно живая разумная тварь, стремящаяся к распространению и сохранению, она заполняет все, до чего не достигается свет. Гнездится в потаенных углах, дремлет и выжидает своего часа.

И стоит солнцу зайти, как она появляется во всей своей красе.

Тьма разумна?

Нет?

Только не в этом месте.

Здесь ей даны сила и воля. Власть ночью и хитрость днем. Она безгранична.

И это мы сделали ее такой. Мы даровали ей свободу, наполнили ее злобой и нашими кошмарами. Именно мы повери-

ли в ее материальность. Мы дали ей все то, в чем она нуждалась. И, получив бесперебойный источник питания, тьма разрослась, она эволюционировала, и стала опасна.

На протяжении веков мы кормили ее, лепили каждый мускул. Создавали все новые и новые легенды, скрывали страшные тайны. И продолжали оставаться невозмутимыми, даже не представляя насколько гигантским является глубоководный спрут на поверхности океана.

Мы забылись, и, превратив кошмар в игру, сами отдали себя ей на съедение.

Потеряв сначала город, а затем самих себя, мы в последствии потеряли и наших детей.

Тьма прибрала все.

Антон выпустил страницу из ослабевших пальцев. Его взор заполнила белая пелена. Гулкий бой в висках сменился тяжелыми ударами. БУХ-БУХ, – словно молот, бьющий по наковальне. А в ушах начал нарастать монотонный свист. По спине прокатился холод и, затаившись в затылке, острым щупом кольнул его сознание, погружая все вокруг в темноту.

Глава вторая

Газеты

Он бежал.

Нет, убегал.

Но от чего? Антон понимал, что за ним никто не гонится. Он был уверен в этом. Но обернуться и удостовериться в отсутствии погони не мог, как не мог и остановиться. Сделай он так, и все будет кончено. Это он знал. И был уверен в этом.

Стоит ему обернуться, и, чем бы ни было то, от чего он убегал, он окажется с ним лицом к лицу.

Пока он бежит – он в безопасности. Пока он не смотрит назад – за его спиной никого и ничего нет.

Мама всегда говорила, что под кроватью никто не живет. Что ночью никто не вылезет из приоткрытого шкафа. Что монстров не существует. И он всегда хотел ей верить. Ей, а не своему чутью. Не своему воображению, рисовавшему яркие и отчетливые картины скрюченных пальцев, тянущихся из-под кровати к его высунутой из-под одеяла лодыжке.

Ей и только ей он доверял своих монстров. И она приходила и без страха смотрела на них, не видя их, и делая их беспомощными. Только рядом с ней они всегда были не реальны. Но когда она выключала свет и уходила, он обязательно накрывался одеялом с головой, не допуская даже мысли, что хоть какая-то часть его тела останется открытой.

Но сейчас он не в кровати, чтобы укрыться от своих страхов. Здесь ему негде прятаться от монстров. И все что он может – это бежать. Бежать и не оборачиваться. Потому что стоит ему обернуться и...

Нет, монстров не существует! Так говорила мама.

Но одеялом нужно накрываться полностью. Поскольку, когда она уходит, – они возвращаются.

Противное липкое чувство охватывает его с головы до ног. Он чувствует, что больше не может бежать. Его тело цепенеет, и он падает.

Падает и кричит:

– Мама!

Антон вздрогнул от ощущения падения. В пересохшем горле застрял крик. А затекшее тело заныло от боли.

Веки показались ему тяжелыми, налитыми свинцом. Ему стоило не малых усилий, чтобы их открыть. Яркий свет единственной лампочки без абажура ударил по глазам, и инстинктивно он дернул рукой, чтобы их прикрыть.

– Господи, – проговорил он, отводя взгляд от потолка, и с недоумением уставился на возвышающийся над ним стол. – Какого?

«Я не в кровати, вот черт, – подумал он, поворачиваясь на бок и пытаясь встать. – Снова упал в обморок? Второй раз за сегодня – это не к добру».

Тело ныло от долгого лежания на полу, а ноги не хоте-

ли слушаться. И чтобы подняться, ему пришлось ухватиться за край столешницы, подтягивая себя на руках.

«Разбит, как после хорошей пьянки, но мозг работает».

Сев на стул, он взглянул на разложенные папки, поверх которых, привлекая его внимание, лежал пожелтевший лист.

«Что же в тебе такого? – подумал Антон. – Какую память ты пытаешься во мне разбудить, черт бы тебя побрал?»

Отведя взгляд от листка, он отодвинул штору и выглянул в окно. За стеклами зияла непроницаемая чернота.

– Вот и ночь на дворе, пора ложиться баиньки.

Он вложил листок в папку с наработками и сложил все свои детские рукописи в нижний ящик стола.

– Что ж...

Отведя руку от ящика, Антон замер. Его внимание привлекла тень. Она казалась смолянисто черной, и неправдоподобно резко контрастировала с освещенной частью пола. Сквозь нее не проглядывало ничего: тонули ножки стола, за четкой границей полностью терялся рисунок ковра, и его ноги...

«Господи!» – взмолился Антон, а волосы на его затылке встали дыбом – он не видел своих ног. Все что было ниже колен тонуло в непроницаемой тьме.

Он пошевелил правой ступней, но не заметил и малейшего движения. Зато почувствовал, как тяжело ему это далось. И теперь словно сотни медицинских игл впились в его ноги, накачивая их расплавленным свинцом, давя снаружи и рас-

пирая изнутри.

Антон дернулся, пытаясь вскочить на ноги, но рухнул вместе со стулом на пол. Нижние конечности не хотели слушаться. Они казались пластиковыми, не сгибаемыми протезами.

Он взглянул на свои обессилившие ноги, боясь, что не увидит их и теперь, когда он полностью оказался на свету. Но они были на месте, целехонькие и свои настоящие.

Чувство тяжести и болезненное покалывание начало проходить. Вернулась свобода движения, и Антон встал на ноги.

Подняв стул, он задвинул его под стол. И все, что оказалось в тени, утонуло в ней без следа.

Он осмотрелся. Все углы комнаты терялись в непроглядной тьме, хотя они должны были освещаться равномерно. Разноцветные корешки книг на полках сверкали яркими красками, словно кто-то выкрутил контраст на полную. Но в пространстве между книгами и нависающими над ними полками зияла смолянистая чернота.

Антон вгляделся внимательнее в эту черноту. И то, что он увидел, показалось ему еще более нереальным и не имеющим смысла. Тьма пульсировала.

– Нет, – хриплым голосом проговорил он. – Это просто плод моего воображения. Я просто ударился головой, когда упал в обморок. Банальное сотрясение. Вспомни аварию, как у тебя все плыло перед глазами, когда ты выбрался из чертовой машины.

Он больно ударил себя ладонями по вискам.

«Это не лучший фрагмент твоей жизни».

Первое, что он тогда увидел, была окровавленная голова его жены, пробившая лобовое стекло, и он сблеванул на асфальт.

«Хватит, – он вновь осмотрел комнату, отгоняя от себя картину из прошлого, и остановил свой взгляд на тьме полок. – Это другое. Все вокруг четкое и статичное. И только эта тень... С ней что-то не так».

Да что, черт побери, могло быть с ней не так? Антон мог подумать, что он спятил. Что, вызывавшие в нем обрывки смутной памяти, непонятные тексты на пожелтевших страницах, вызвали рвоту не бурных воспоминаний, а сумасшествия. «Битые файлы» привели не к «синему экрану смерти», а к «глюкам» и сбоям в системе.

Но разве он что-то вспомнил? Разве он вообще пытался что-то вспомнить?

Ответ пришел неожиданным ощущением страха. Детского ужаса перед темнотой и таящихся в ней жутких тварей. Тварей, которых, как говорила мама, не существует. Но он всегда знал, что они есть. Да, их не было, когда мама была рядом (и он хотел верить ей), но когда она уходила...

Его никогда не хватала за голую лодыжку высовывающаяся из-под кровати холодная рука. Никто не смотрел на него из темного угла своими желтыми, полными голода глазами. И никто и никогда не выпрыгивал на него темным вечером из шуршащих кустов. Так же как никто и никогда не пытался

сожрать его в полутемном подвале. Но он всегда знал, что там в темноте что-то есть. Оно не следит, ему это не надо, оно и так знает о нем все. И оно, конечно же, не будет выпрыгивать и хватать его, если есть хоть толика света, приводящая к его обнаружению. Эти монстры хитры и умеют ждать.

Разве не так он думал в детстве, когда ложился спать, полностью укутавшись одеялом, и только тогда зовя маму, что бы она выключила свет в его спальне? Потому что если он выключит свет сам, то может не успеть добежать до кровати. Опять же, он не верил, что даже тогда кто-то выскочит и утащит его, но возможность того, что он почувствует холодные пальцы на своей лодыжке, брали верх над всеми его умозаключениями.

«Но это всего лишь детские страхи», – подумал Антон.

И все же он чувствовал, что боится. Да он знает, что ни под кроватью, ни в шкафу (которого, в общем-то, и нет в его комнате), ни где бы то ни было, никого нет. Монстров нет. Единственные монстры – это люди. Но они не станут хватать тебя, пока ты, выключив свет, бежишь до кровати и с большого расстояния (с которого только можешь допрыгнуть) прыгаешь в нее, моментально прячась под одеяло. Нет, эти монстры спокойно подойдут к тебе, пока ты дрожишь под спасительным одеялом и так же спокойно стянут его с тебя. Некоторым даже не нужно ждать, пока ты окажешься в темноте.

Так что единственные монстры, которые могут существо-

вать, – вполне реальные люди, а не то, чего боятся дети.

Все это он прекрасно знал.

Но только при одной мысли, что нужно выключить свет, прежде чем лечь в кровать, по его спине пробежал холод, а кожа покрылась ледяными мурашками, приподнимая волосы на его руках.

Он перевел взгляд на черноту под кроватью.

«Сколько раз мама заглядывала под нее? – подумал он. – А ведь и в правду, там никого и никогда не было. Ладно, ты был ребенком...»

«Тебе уже не десять лет, Антон», – вдруг вспомнил он мамин голос.

«А сколько же мне тогда было?»

Тьма под кроватью казалась ему пульсирующей.

– Нет, не надо вспоминать.

Но он вспомнил, что тогда ему было четырнадцать.

«Не тот возраст, чтобы бояться», – подумал он и, кляцнув выключателем, погружая комнату в полнейшую темноту, в два больших шага запрыгнул на кровать.

Его сердце билось учащенно, отдаваясь болью в груди. Рой мурашек бегал по его загривку, щекоча и покалывая кожу. А дыхание замерло. И, пока он дрожащими руками вытаскивал из-под себя одеяло, он чувствовал, как огромный ком продвигается по его горлу, а к его ноге, с которой он в прыжке скинул тапок, тянется скрюченная холодная рука. А когда он, наконец, забрался под спасительное одеяло с го-

ловой, то прислушался, все так же не дыша, ощущая, как сердце бешено колотится в груди.

«Глупость, глупость, глупость, – вертелось в его голове. – Здесь никого и ничего нет. И быть не может!»

Он шумно выдохнул и изголодавшиеся легкие, наконец, втянули в себя свежий воздух, с шумом и деря горло.

«Идиот», – подумал о себе Антон, и провалился в глубокий сон.

2

Сон не желал уходить. Он снова и снова продолжал накатываться словно волны на берег. Где-то в глубине зародилось ощущение, что неоконченный отлив вдруг сменится новой приливной волной. И с каждым накатом она все больше и больше будет забирать реальный песчаный берег, погружая его в иррациональную фантазию на самое дно покрытого тьмой океана.

Сон всегда манил его своими интересными иллюзиями, порой необузданно глупыми, а порой чертовски реалистичными. И иногда хотелось продолжать плыть в этих волнах, даже нырнуть в них с головой и никогда, никогда не всплывать. Но сон – есть сон: забывчивый, приносящий краткие минуты неких ощущений, некоего осадка, порой приятного, порой не утешительного, а порой загадочного и странного.

Но этот сон не манил.

Хотелось вырваться из него. Как можно быстрее всплыть на поверхность его океана и, добравшись до берега, даже не смотреть на отбывающие в отливе волны.

Но песок вновь и вновь продолжал намочать, с каждым напором не желавшего покидать его сна. Вот только берег становился не просто темным от влаги – он багровел, словно океан был из крови. А подсыхая, он становился непроглядно черным, пульсирующим.

Но Антон более не желал этого сна. Он его пугал. Тревожил. Словно забытые детские воспоминания о чем-то плохом, постыдном, невероятно чудовищном. Он пытался гнать от себя эти мысли, эти обрывки ненужного прошлого. Прошлого, которое он когда-то забыл и более не хотел возвращать. Того прошлого, которое не единожды приходило к нему во снах, заставляя просыпаться глубокой ночью от душившего его крика, от сковывавшего грудь ледяного ужаса, и с бешено бьющимся сердцем. В такие темные часы он сидел в постели, хватая ртом воздух, словно утопающий, чудом выкинутый волной на берег, и слушал, как глубоко внутри, с силой ударяясь о ребра, колотиться его вечный не устающий моторчик, гулким эхом отдаваясь в голове. Сидел не шевелясь, надеясь, что не кричал на самом деле, что мирно спящая рядом Катя действительно спит, а не притворяется, застыв без движения, покрытая гусиной кожей, в ужасе от своего мужа.

И так он сидел до первых проблесков рассвета, чувствуя онемение и холод во всем теле. Не думая ни о чем, взирая в темноту. Гоня все мысли о вновь прожитом во сне кошмаре.

Иногда он думал, что если попытаться вспомнить сон, не ожидая, пока тот не торопливо уйдет, оставляя за собой вязкий шлейф страха, а спокойно помахать ему на прощанье рукою, то он уйдет навсегда. Оставит его в покое и, наконец, прекратит терзать его мутную память. Но приходившая сле-

дом паника, заталкивала эти мысли обратно на дно старого колодца, закрытого массивной каменной плитой. «Прошлое должно оставаться в прошлом», – говорила она, и он верил, потому что только тогда, приходившая от желания вспомнить головная боль отступала.

А с приходом рассвета, испарялся и вязкий шлейф уже отступившего сна.

Но сегодня морфей требовал продолжения, настойчиво нагоняя все новые и новые волны. Он приносил с собой обрывки из прошлого, охлаждал тело и туманил взгляд. Обволакивая и сковывая сознание, отчаянно пытаюсь рассказать...

Но Антон больше не хотел слушать. Больше не хотел видеть. И не хотел чувствовать.

Он уже ощущал тревожный звоночек, отбивающий гулким эхом в висках. Еще немного и эхо сменится звучными ударами. А за ними придет боль.

«Я вновь видел их. Тех, с кем был когда-то. Своих дру...»

Антон мгновенно выплыл из остатков своего тревожного сна, словно кто-то, наконец, переключил канал на телевизоре, и дурная программа сменилась чем-то обыденным и не столь интересным.

Было холодно.

Его постель оказалась смятой и мокрой от пота. Руки были покрыты мурашками, и он не сомневался, что на всем теле не найдется ни единого пятнышка гладкой кожи. А в груди гулко стучало сердце, словно в последней надежде выбрать-

ся из этого кошмара.

Голова раскалывалась от боли, а в ушах стоял слабый свист.

Ничего хорошего это принести не могло и в мозгу Анто-на зародилась единственная связная мысль, что пора бы уже подняться и оставить позади очередной кошмар о забытом детстве.

«Давно уже меня не посещали эти кошмары, – подумал он. – И если прикинуть, то с момента... – перед глазами встал моментальный снимок перевернутой машины. Изображение выглядело размытым, но одно он увидел достаточно четко – намного четче, чем ему хотелось, – это голова Кати, пробившая лобовое стекло. Он глубоко вдохнул, задержал дыхание и с силой сжал веки, отгоняя от себя картину из прошлого. Краски исчезли быстро, наступила темнота и Антон вновь открыл глаза. – Да, за последние два года этот кошмар ни разу не являлся ко мне».

– Но, многое ли ты помнишь из этих двух лет? – слабо, на выдохе, почти одними губами произнес он.

«А стоит ли вспоминать, – пронеслось в его голове. – Нет, серьезно. Почему бы прошлому не остаться в прошлом?»

Он скинул с себя одеяло и сел в кровати, спустив ноги на холодный ковер.

И все же это было то прошлое, которое он помнил, хоть и очень смутно – практически отдельные обрывки. Но оно не было забыто как его детство. И Антон знал, что стоит

ему попытаться вспомнить, то, возможно, это принесет какие-нибудь плоды. Возможно, и ничего. Но, что было самым главным, он мог хоть до посинения напрягать свою память об этой поре (да что там, о всей своей жизни с того момента, как он начал жить с тетей Таней) и оставаться в полном здравии. В отличие от дней своего детства.

Он вспомнил, как в первые годы их совместной жизни, за месяц до того, как они узнали, что станут родителями, Катя ни с того ни с сего наехала на него, пытаясь понять, почему он ничего не говорит о своем детстве.

– Но ведь должны же быть причины, – упорствовала она одним субботним вечером.

Они уже лежали в постели. Но отнюдь не собирались спать, лишь взяли передышку после довольно продолжительного секса.

Он лежал на спине и смотрел в потолок, а в его голове роилось множество мыслей. После затянувшейся прелюдии, он буквально через пять минут движения в ней почувствовал, что вот-вот кончит. И тогда впервые он сменил счет чисел и мысли о глупых передачах по телевизору, чтобы отсрочить эякуляцию, на продумывание начавшей формироваться в нем идеи. Сначала она показалась ему очень объемной, и он подумал о романе, но, чем больше он заострялся на сюжете, тем меньше страниц он видел в возможном описании. И когда он, наконец, осознал, что это всего лишь глупый маленький рассказ, он кончил.

Среди обилия его мыслей четко сформировалась одна: «Еще никогда я не трахался так долго и так бесполезно для себя».

И тут Катя спросила:

– Каким ты был в детстве?

– Тебя это сейчас заинтересовало? – ошарашенно спросил он.

– Мне просто интересно, почему ты такой.

– Какой?

– Закрытый.

– Что? – он повернулся к ней. Ее грудь все еще тяжело опускалась и поднималась, а в ложбинке между ключицами поблескивали капельки пота. Она смотрела на него серьезными глазами, а на лице продолжала играть счастливая улыбка, после хорошего удовлетворения. – Ты о чем?

– Возможно, ты прав, и это не самое время. Но сегодняшний секс... – Улыбка все же сошла. – Мне показалось, что тебя словно не было со мной какое-то мгновение. Как будто ты ушел... ушел в себя, что ли.

Она тут же прильнула к нему и поцеловала в губы. А когда отодвинулась, взяла его за руку и произнесла:

– Не подумай только чего плохого. Мне понравилось – это было действительно круто.

Она провела рукой по его потной груди.

– Просто, – Катя вновь взяла его ладонь в свою. – Даже не знаю, – она взглянула в его глаза, словно ища поддержки,

ища ответ на не заданный пока вопрос. – Я не знаю ничего о твоём прошлом, – произнесла она. – Только твоё настоящее.

– Неужели тебе этого мало? – спросил Антон, теряя всякий интерес к этому разговору. Он уже знал, что не стоит беречь то, что скрыто даже от него.

– Нет, конечно же, я люблю тебя таким, какой ты есть, – тут же ответила она. – Но иногда мне кажется, что тебе чего-то не хватает. Ты не так часто улыбаешься... – новая улыбка расцвела на её лице. – Признаюсь, я полюбила твою вечную серьёзность раньше, чем тебя самого. Но согласись – её слишком много. Ты никого не подпускаешь к себе ближе, чем на расстояние вытянутой руки, и только я вижу, что расстояние это на самом деле размером с вселенную. И для меня до сих пор остаётся загадкой, как же мне удалось преодолеть твой барьер.

– Для тебя его никогда и не существовало, – произнес Антон. Он все ещё надеялся, что разговор не дойдёт до другого барьера.

– Мне просто захотелось узнать, что же тебя сделало таким, – она прильнула к нему, уткнувшись лицом в его грудь. – Я же рассказывала тебе о своём детстве. О первых ссадинах на коленках, когда я села на только что подаренный мне в восемь лет двухколесный велосипед. О том, как в двенадцать я рассекла лодыжку, летя под гору с этого самого велосипеда. В восемь он был для меня слишком большой,

а в двенадцать слишком мал. Как меня до девятого класса потом дразнили: «Катя-карга, со шрамом нога». Как меня... – она съезжилась. – ... была моя мать-алкоголичка за любую провинность, когда была пьяна. А когда была трезвая, казалось, что более любящей матери не найти. Вот только, – она сжала его руку, – она все реже была трезвой и все чаще злой.

– Катя, – Антон прижал ее к себе.

– Да, ведь тебе я об этом уже много раз рассказывала. А мы и целых двух лет то вместе еще не прожили, – она усмехнулась. Но не показался ли ему этот смех истерическим хохотком. – Но я тоже хочу знать о тебе. Я люблю тебя, – она взглянула на его лицо, а в ее глазах стояла влага.

– Катя, – он покачал головой. – Было бы все так просто. Но я не помню абсолютно ничего из своего детства. Если честно, то порой мне кажется, что у меня его вовсе и не было. И потому я такой, какой я есть.

– Но ведь должны же быть причины, – упорствовала она. – Наш характер, наши стремления и мечты – все обычно уходит корнями в детство. Даже твои романы...

Антон почувствовал, как по его спине побежали мурашки, только смысла их появления он тогда так и не понял.

– ... они же основаны на страхах. Твоих страхах, Антон, иначе бы они не были настолько пугающими. Но сейчас я их тебе не вижу, а значит, они все из твоего детства.

И новая волна прошла по спине Антона. Но в этот раз

она словно ударилась о затылок, и первые, пока еще тихие, БАМ отделились в его голове.

– А твои друзья?

И в висках появилась нарастающая пульсация.

– Ты часто пишешь о великой дружбе. Причем, детской дружбе, потому что со взрослой ты не особо знаком.

«Да, у меня немного друзей, – подумал Антон. Но следом пришла более верная мысль: – У меня нет друзей».

В ушах засвистело. БАМ-БАМ, продолжало биться в голове. К горлу подкатил большой ком. БАМ-БАМ.

«Четверо? Пятеро? – промелькнуло в воспалившемся разуме. – Неужели у меня были друзья? Что ж, в детстве все воз...»

В висках продолжало пульсировать, но теперь уже распирало череп изнутри, отдаваясь на каждое БАМ. А свист в ушах начал становиться нестерпимым.

«Друзья... – его мысли начали путаться. – Черт, прошлое должно оставаться в...»

Что-то мелькнуло перед его внутренним взором, – не четкий туманный образ. Но чего? Или кого? Его сознание взревели, захотело оттолкнуть эту неясную картинку: «Прочь, прочь отсюда, этот „файл“ не найден!»

С каждым БАМ боль становилась все нестерпимее. Ком в горле стал еще больше и теперь он начинал душить. А монотонный свист в ушах превратился в одну невыносимо высокую ноту.

Мысли в беспорядке метались в его голове, а взор начал туманиться. И где-то на пороге реальности и грани забвения, он, словно сквозь вату толстого одеяла, услышал далекий и приглушенный голос зовущей его Кати.

Очнулся он тогда в приемном отделении городской больницы №3.

Удивительно как некоторые воспоминания с легкостью всплывают на поверхность, словно резко осушившая свои шлюзы подводная лодка, и как другие остаются лежать мертвым грузом погибшего Титаника на непроглядном дне.

И вновь в его голове завертелась одна единственная фраза, которую он произнес тем вечером, лежа на застеленной одноразовой пленкой каталке в коридоре приемного отделения. Когда, закончив поверхностный осмотр и получив отказ от госпитализации, дежуривший врач ушел заполнять журналы о поступлении, и они остались с Катей вдвоем, он сказал: «Прошлое должно оставаться в прошлом».

Антон встал с кровати и, подойдя к окну, уперевшись бедрами о край стола, раздвинул шторы.

Солнце уже вовсю светило, отбрасывая пока еще длинные рассеянные тени в наступающем утре. По небу плыли редкие белесые облачка, но вдали над лесом, словно тонким шерстяным покрывалом, растянулась серая масса. И глядя на нее, Антон всей душой понадеялся, что она пройдет мимо.

«Мы приехали в дождь, – подумал он, – и мне этого хватило. Если подумать, то мои последние два года были таки-

ми же серыми, как эти тучи. Так что все, хватит. Я хочу солнечных и счастливых деньков, как в детстве».

Он посмотрел на старую пишущую машинку, с трудом уместившуюся на полке с книгами.

«Я ведь был счастлив в детстве?» – спросил он скорее ее, чем себя. Но она не могла ответить ему. Впрочем, как не мог ответить себе и он сам.

«Наверное был. Все дети бывают счастливы, хотя бы иногда».

Но потом он взглянул выше в серую пустоту между книгами и полками и почувствовал, как по его спине прошелся холодок.

«Неужели я вчера действительно это видел? – подумал он. – Но что? Что я видел? Темноту в том месте, где она должна была быть? Или то, что мне показалось? Да, показалось, что она...»

Он выдвинул стул и сел за стол. Потом взглянул на свои руки, на обе манжеты серой рубашки, перевел взгляд на самую рубашку с расстегнувшимися пуговицами на животе, и остановил взгляд на черных спортивных штанах.

«А ведь я даже не разделся. Запрыгнул в кровать сразу, как выключил свет».

Он осмотрел комнату: серость в углах, под столом, между полоком и под кроватью. Все было так как и должно было быть. Никакой контрастной черноты вместо теней. И она не пуль...

«Стоп. Я устал. А перед этим упал и мог удариться голо-

вой. Я словно ребенок, поверил, что тени могут быть живыми».

Но он знал, что не думал о них, как о живых. И в то же время ему показалось, что они вовсе и небыли тенями.

Антон улыбнулся и откинулся на спинке стула, поднимая взгляд в потолок.

«А ведь было интересно, почувствовать себя ребенком, – подумал он. – Хотя, этой ночью страх темноты совсем не казался мне интересным. Совсем, совсем не интересным».

Улыбки больше не было на его лице, но в душе появилось легкое волнение.

«А ведь мама всегда говорила, что монстров не существует, и под кроватью никто не живет, – подумал он. Волнение усилилось. – Мама».

Он встал и вышел в кухню.

В голове проступила взвесь из не оформленных неизвестных мыслей, которые пытались сформироваться в идею, в какое-то действие. С такой взвесью он часто садился за начатую рукопись, еще не отдавая себе отчета о том, что он сможет написать, не зная дальнейших событий создаваемой им истории. И только спустя какое-то время (иногда минуты, иногда больше), он начинал писать. Хотя, часто ему приходилось просто вымученно выдавливать из себя хоть какие-то строчки. Но самым главным было – начать.

И начал он с приготовления завтрака (Дина почти ничего не съела, жалуясь на отсутствие аппетита и пустой холодиль-

ник), большой чашки кофе, и внимательного осмотра всех полок на кухне и холодильника.

Взвесь продолжала оставаться взвесью, и Антон принял решение, что стоит прогуляться и заодно купить продуктов. Но для начала следовало переодеться, – запах пота от не снятой на ночь рубашки бил по носу не хуже нашатырного спирта.

Утро стремилось к полудню и было уже достаточно жарко. Поэтому Антон ограничился белой рубашкой с коротким рукавом, джинсами и легкими кроссовками. Последние вид имели грязный и поношенный.

Положив бумажник в задний карман, он подкинул в руке связку ключей и взглянул в окно.

«Может, пешком пройтись? До центра километра два, не больше, – подумал он. – А зачем мне в центр? Ближайший продуктовый магазин в трех кварталах», – но последняя мысль показалась ему не столь важной.

– Дина, ты не хочешь прогуляться?

– Нет, – крикнула девочка из своей комнаты.

– Ладно, тогда будь дома. Ключи я не беру.

Но ответило ему только молчание.

«Что ж, это тоже знак согласия».

Выйдя во двор, он какое-то время постоял перед распахнутой дверью сарая с дровами. Его взгляд скользил по плотно сбитому ящику с большим навесным замком. Гадать, что внутри, ему не хотелось. Но и сбивать замок он пока не торопился. Что-то ему подсказывало, что не стоит торопить события. Ибо что бы там не лежало, оно может всколыхнуть его поврежденную память. Старые рукописи в коробке, конечно, ничего ему еще не сделали, но до их прочтения он

так и не дошел. Хватило того, что он обнаружил на самой коробке.

«А не будет ли лежать такой же сюрприз и внутри этого ящика?» – подумал он и тут же захлопнул дверь, не забыв зацепить крючок за скобу.

Он все еще думал о ящике, когда выходил на дорогу. Думал о нем, когда дошел до первого перекрестка и свернул направо. Его мысли казались разрозненными, не сформулированными. Крутились вокруг да около, словно картинка без слов. Тяжесть ящика. Его плотно сбитые доски, которые, хоть и выглядели старыми, но ни разу не скрипнули и ни на миллиметр не сместились, пока он перетаскивал ящик в сарай. Большой и старый замок, который, однако, не выглядел ржавым. Петли... Петли? Да, их он не видел. Скорее всего, они крепились к крышке изнутри. Он продолжал думать о ящике, когда свернул в очередной раз и вышел на центральную улицу. Только тут он остановился и огляделся, забыв о ящике.

Стоя на перекрестке возле большого старого кирпичного здания с арочными окнами, он посмотрел через дорогу на более современное и более масштабное строение.

«А вот и дом культуры», – подумал он.

Но присмотревшись внимательнее, не увидел ни одного слова над входом, или какой-либо другой части здания, о том, для чего оно. Возможно, что-то было написано на самих дверях, но с того места, где стоял Антон, ничего не было

видно. И все же, он был уверен, что это дом культуры. А если зайти за него справа, то можно было попасть в кинотеатр. Но в последнем уверенности поубавилось, все же за двадцать четыре года его вполне могли закрыть.

«Прекрасные знания о том времени, которое ты не помнишь», – подумал Антон, но мысль эту развивать не стал, испугавшись новых приступов головной боли.

Взглянул на здание, возле которого стоял. Угол его был срезан и на первом этаже имел большое арочное окно, а на втором балкон, над которым золотистыми буквами было написано «ТОРОПА». Справа, если уходить на Красноармейскую улицу, был вход в самую гостиницу «ТОРОПА». А слева, если идти по центральной улице, к красному угловому зданию была сделана большая пристройка, но с уже более поздним по времени дизайном и из белого кирпича. Дверь в новое крыло накрывал козырек из листового железа, изогнутый аркой, на котором, вырезанными из жести буквами, значилось «БИБЛИОТЕКА».

«И почему мне кажется, что библиотека была раньше в другом месте?» – подумал Антон, и вновь выкинул эту мысль из головы, как и предыдущую.

Однако, сама библиотека крепко зацепилась за его мозг. Всколыхнулась появившаяся утром взвесь из не оформленных мыслей, но сформироваться в четкую идею так и не смогла. И все же, чувствуя неясный интуитивный посыл, Антон направился в библиотеку, думая о том, что если

не предпринимать никаких действий, то ничего не выйдет. Но какие действия он собирался предпринимать?

Для начала – интуитивные, решил он для себя.

Войдя внутрь, он попал в вестибюль. На двери слева находилась табличка с надписью «Детская библиотека». А на второй этаж вела массивная лестница, расходящаяся между этажами на два П-образных пролета. Ступени устилал длинный красный ковер с рисунком больших серых цветов. Поручни имели цвет старого бабушкиного шифоньера, а ограждения окрасили в нежный розовый оттенок.

Поднявшись на второй этаж, Антон попал в большой читальный зал. И первое что он почувствовал это ударивший в нос запах. Запах старых книг и пыли. Запах истории. Запах тишины. Да, порой кажется, что в библиотеке, даже тишина имеет свой специфический запах.

Сквозь большие окна лился солнечный свет. На сферических плафонах, свисавших с потолка, поблескивала пыль. Четыре небольших круглых стола, накрытых бархатистыми скатертями, стояли рядом с окнами. Вдоль стен расположились книжные полки. Справа от входа – полукруглая высокая стойка библиотекаря. А чуть дальше от стойки зиял проход к множеству стеллажей с трудами многих одаренных и не очень авторов.

И ни одного посетителя.

– Добрый день.

Антон оторвался от своих мыслей и взглянул за стойку.

На него, поверх спущенных на кончик носа очков в роговой оправе, смотрела женщина лет сорока. Ее темно-русые волосы были собраны в спускавшийся до плеч хвост. А на бледном лице атели, накрашенные яркой помадой, губы.

– Добрый день, – поздоровался он.

– Чем я могу помочь? – спросила женщина, но тут же задала другой вопрос: – Вы не здешний?

– А вы знаете всех в этом городе? – Антон почувствовал, что краснеет, уже предчувствуя кучу лишних вопросов, так характерных для всех маленьких городов. Вот только сегодня он меньше всего хотел рассказывать о себе. Впрочем (о чем он тоже подумал), он вообще никому не любил рассказывать о себе.

– Прямо всех, возможно, и нет, – она улыбнулась, но только кончиками своих вопиюще алых губ. – Но вас я точно в городе никогда не видела.

– Переехал. Недавно, – несколько пренебрежительно бросил он.

– Купили дом или квартиру? Или снимаете? – в ее глазах появился блеск, но Антон был готов поспорить на что угодно, что он не из-за симпатии к нему.

Еще выходя из дома, он взглянул на себя в зеркало и увидел все то же осунувшееся лицо с впавшими и потускневшими глазами, которое он видел перед отъездом. Довольно глубокие морщинки пролегали от уголков его глаз, под которыми ярко выделялись синяки усталости. А немые, с проблес-

ком седины, волосы меньше всего придавали ему презентабельный вид.

И подводя итог своей внешности, он полагал, что вряд ли у кого сможет вызвать доверие или симпатию.

– Ну-у ладно, – протянула женщина, так и не дождавшись ответа.

Блеск в ее глазах потускнел, а во взгляде теперь читалось пренебрежение.

– Хотите оформить карточку? – неуверенно и в то же время, как показалось Антону, нетерпеливо спросила она.

– Да, пожалуй, – еще менее уверенно ответил он.

Вот только зачем? Взвесь в его голове медленно оседала, создавая пока еще туманные и не понятные образы; идея, замысел – чем бы оно не было – ждали, пока он сделает правильный шаг. Но в какую сторону?

С писательством было проще. Достаточно открыть Word и, перечитав последние абзацы, продолжить писать. Да, порой, на первое предложение уходило много времени, но как только оно было составлено и продолжено, взвесь превращалась в более четкие образы, или рассыпалась на сотни слов, так не прихотливо складывающихся в предложения. Надо было всего лишь открыть Word.

Но сейчас он писал не чью-то жизнь, а свою, и текст этот заносился не на привычно белый лист.

– Паспорт, – устало произнесла девушка.

– А? – Антон выплыл из своих раздумий, чувствуя, что

что-то не так.

– Ваш паспорт. Что бы я смогла оформить вашу карточку. Антон скупо улыбнулся и развел руками в стороны.

– Вот его-то я и не взял, – извиняющимся тоном, произнес он.

– Тогда я не смогу выдать вам книги на дом, – в ее голосе уже проявлялось раздражение.

– Собственно я и... – начал Антон, но вновь замялся.

«А что я? – подумал он. – Что? Если ты здесь, значит ты пришел за книгами. Или нет?»

– ...книги брать не собирался, – закончил он, чувствуя легкую пульсацию в висках.

– Тогда что? – женщина непонимающе покачала головой. Ее очки съехали еще ниже и готовы были вот-вот сорваться с кончика носа. Привычным жестом она подвинула их указательным пальцем с ярко-красным ногтем, но так, чтобы все еще смотреть на него поверх оправы.

И тут он понял, зачем пришел. Взвесь словно разорвало на десятки отдельных мыслей, достаточно четких и пугающих. Сначала о тенях и его проявившихся страхах. Мысль о том, что он боялся темноты в детстве. Потом, что его мама говорила, что ни в шкафах, ни под кроватью никто не живет. И в конце: «Мы уехали отсюда в 1978 в августе».

– Местная газета, – проговорил Антон, с трудом ворочая пересохшим языком. Его сердце забилось более гулко – он теперь знал, чего хочет.

– «Мой край», – ответила женщина. – Наша единственная газета.

– Да, я хотел бы взглянуть на подшивку за 1978 год.

– 78-й... – она тяжело вздохнула, неприязненно.

– Есть проблемы?

– Нет. Но нужно идти в архив, – по всему было видно, что никуда она уходить не хотела. Ее напряженный взгляд переместился вниз на раскрытую перед ней книгу, внимательно прошелся по лежащим на столе предметам (карточкам в подставке, стопке бланков, стакану с ручками и карандашами, допотопному дисковому телефону с перемотанной изолированной ручкой трубки, несколькими книгам, ждавшим возвращения на свои полки) и, наконец, вновь вернулся к нему, уже уставший и сдавшийся.

– Я подожду, – скромно сказал Антон.

Еще один тяжелый вздох, и женщина, взяв увесистую связку ключей из верхнего ящика стола, вышла из-за стойки и молча направилась к лестнице.

Антон предположил, что архив находится в подвале.

Он подошел к ближайшему столику и сел на деревянный стул с высокой спинкой. Стул надсадно скрипнул, что-то в нем хрустнуло, но он выдержал.

«И ты думаешь, что в здешней газетенке пишут о каждой смерти? – подумал он. Огляделся, вновь отмечая, что зал пуст, и он здесь один. – Я уверен, что в те года, да, черт побери, даже сейчас, они не знали о некрологах. Да и некроло-

ги пишут родственники. И я не думаю, что тетя Таня могла написать что-то такое в местную газету».

Его взгляд перемещался по стеллажам с книгами. Большинство стояли достаточно далеко, и прочесть имена авторов на довольно потрепанных корешках было сложно. Некоторые книги были повернуты лицевой стороной. Но и здесь старые издания с монохромной обложкой молчали о своем содержимом.

Ближе к выходу, где сидел Антон, находились книги с иллюстрированными обложками и не в таком потертом состоянии. Книги были совершенно разные, без тематической подборки: детективы соседствовали с любовными романами, приключения с научной фантастикой, присутствовали даже комиксы и...

Антон улыбнулся. Потому что эту ликующе вычурную обложку он не мог не узнать. Опубликованный в 1996 году роман с яркой иллюстрацией и красочным монстром, выглядывающим из-под кровати, получил больше критики за детский рисунок на обложке, чем за историю о маленьком мальчике, сражавшемся со своими страхами. Написал он его одним из первых, но смог продать только после того, как к нему пришла известность после более поздних работ.

Не переставая улыбаться, Антон подошел к полке со своим романом. И оглядев внимательнее весь стеллаж, отметил, что это единственное его произведение, представленное здесь.

«Среди фантастики и приключений затесалась одна единственная история с кошмарами», – подумал он, продолжая смотреть на яркую обложку. Под цветастым монстром, искривляющимися зелеными буквами, было написано «Посмотри вниз».

Он взял книгу в руки и перевернул ее обратной стороной, где красовался его черно-белый снимок. На этой фотографии ему всего двадцать четыре года – молодой уверенный в себе улыбающийся парень, с трехдневной щетиной и взъерошенными короткими волосами. Но сегодняшняя его улыбка поблекла, когда он вспомнил свое отражение этим утром. И он подумал, что этих двух людей разделяет огромная бездонная пропасть, а не каких-то четырнадцать лет жизни.

Он взглянул на корешок и прочел свои фамилию и имя. По корешкам всегда можно сказать, читают книгу или нет, а этот выглядел словно только что сошел с типографии.

Антон тяжело вздохнул.

«А я-то думал, что написал бестселлер», – подумал он и грустно улыбнулся.

Он открыл форзац и взглянул на приклеенную к нему библиотечную карточку. Всего три даты возврата, написанные синей ручкой библиотекаря; напротив последней даты стоял буквенно-числовой номер читателя. Всего три раза эту книгу брали домой. Всего три человека ее прочли, но, возможно, несли обратно, так и не дойдя до последней страницы.

Померкла и грустная улыбка. «Посмотри вниз» – единственный его роман, который так ни разу и не был переиздан. Всего три тысячи экземпляров с этой дурацкой обложкой, и все. Порой он думал, что стоило переписать его полностью, прежде чем, сдавать в редакцию. Но ему нравилось, как была написана эта история, хотя он и понимал, что она совершенно не дотягивала до его нынешнего уровня.

«Нынешнего, – пронеслось в его голове. – Нынешний-то уровень – ноль без палочки».

Он уже собрался поставить книгу на место, как заметил, выглядывающий листок между страниц ближе к концу повествования.

«Теперь я знаю, до какого момента дошел последний читатель».

Он открыл книгу на закладке, и свернутый вдвое, пожелтевший листок, упал к его ногам.

Что-то кольнуло в груди и отдалось слабым эхом в висках, когда он заметил проступающий рельеф от напечатанных на машинке строк. В некоторых местах точка пробивала бумагу насквозь.

Дрожащими руками, Антон поставил книгу на место и поднял листок с пола. Но разворачивать его не стал. У него не было сомнений, что это еще одно продолжение тех пожелтевших старых страниц, которые он нашел в своей квартире и на чердаке дома.

«Но откуда она здесь?» – подумал он.

Дрожь в руках стала тише, но по спине волнами пробежали мурашки, а предплечья покрылись гусиной кожей.

Боясь получить новую перегрузку сознания, он решил оставить прочтение этого текста на вечер, когда останется один в своей комнате. Поэтому он свернул листок вчетверо и запихнул его в задний карман джинсов.

Вернувшись к столу, он задумался о том, что этот листок служил кому-то закладкой. А значит, что этот кто-то мог что-то знать. Мог сам подкладывать их...

«И пробрался в мою квартиру и в мой дом, а еще просчитал, что я захочу зайти в библиотеку и обязательно увижу „Посмотри вниз“? Что я, в порыве глупой ностальгии, захочу взять ее в руки и увижу...» – это показалось ему бредом. Но бредом, не лишенным смысла. Вот он лист формата А4, с отпечатанным на машинке текстом, который был вложен в книгу. Он так же реален, как и остальные два. Только появление этого вполне можно было отследить.

Отследить!

Антон вновь подошел к стеллажу и взял свою книгу. Открыв форзац, он взглянул на приклеенный листок возврата. Листок, на котором обычно пишется только дата, когда читатель должен будет вернуть книгу обратно. И да, в первых двух строчках стояли только даты: *2.03.98.* и *5.10.99.* Но в третьей значилось: *16.08.00. Л-586.*

«И кто же ты такой, Л-586? И почему вдруг тебя записали в этот лист?»

Заложив форзац указательным пальцем, Антон вышел на лестничный пролет и прислушался. Никаких звуков не было.

«А если поймает?» – пронеслось в его голове.

«Успею», – не слишком обнадеживающе подумал он, вернулся в зал и быстрым шагом обошел стойку библиотекаря.

У стены, примерно в полуметре от выдвинутого стула, стояли два шкафчика с маленькими выдвижными ящичками – архив карточек читателей в алфавитном порядке. Многие буквы дублировались несколько раз, и Антон надеялся, что ему не придется перебирать сотню другую карточек. Он лихорадочно перебегал взглядом с одной наклейки с буквами на другую (отметил, что в ряде случаев не везде они придерживаются алфавитного порядка). В груди громко ухало, а волосы на затылке готовы были встать дыбом. Он думал о ковре.

Лестницу устилал ковер, красный с серыми цветами. Довольно старый, местами полинявший, но все еще способный глушить звук проходящих по нему каблуков. Ковер упирался в зал. А зал был застелен своими коврами. И значило это только то, что он не услышит, когда библиотекарьша вернется с подшивками старых газет. Он услышит только ее раздраженный, злой и циничный крик. Крик, обличающий его в выведывании не доступной ему информации. Возможно, она подумает о воровстве. Возможно, представит его как маньяка, выскивающего своих жертв по библиотечным кар-

точкам. И последняя мысль не показалась ему такой уж глупой, – библиотекари тоже читают и не только русскую классику, но и зарубежные триллеры и прочую беллетристику о неуравновешенных личностях. А вспомнив свой вид в зеркале и произведенное на эту женщину впечатление, он точно не рассчитывал на похлопывание по плечу и предложение о помощи в его не легких поисках.

Он почувствовал, как промокла рубашка в районе подмышек, и пара ледяных струек пота неприятно скатились по коже. Его передернуло.

В гнетущей тишине ему показалось, что кто-то ступает по мягкому ковру читального зала. Крадется тихо, словно боится спугнуть его. Вот он уже обходит стойку. Еще шаг и он уже на расстоянии вытянутой руки от...

Антон обернулся. От резкого выброса адреналина его сердце с неистовой силой ударило о ребра, подпрыгнув до самого горла. А «Посмотри вниз» выпала из его рук и гулко упала на ковер.

Но в зале было по-прежнему пусто.

«Идиот», – подумал Антон, поднял книгу и вновь повернулся к шкафчикам.

Он уже не помнил, осмотрел ли первый шкафчик полностью или нет. Но решил не тратить на это времени (все равно большинство в алфавитном порядке), и направил взгляд на второй. И в первом же ряду он увидел искомую букву «Л».

«Слава Богу, он один».

Антон выдвинул ящик, вновь заглянул на форзац «Посмотри вниз» и принялся в спешке перечитывать карточки, ища №586.

Сердце продолжало громко биться в груди, но действие адреналина начало снижаться, и теперь его удары не так сильно отдавались в голове. Но и без того мокрые и липкие подмышки продолжали усиленно потеть, оставляя большие разводы на рубашке. Теперь он чувствовал свой запах. Запах страха. Запах непристойного поведения, когда тебя могут в любой момент разоблачить. Запах...

Антон вновь резко обернулся.

Но и сейчас он продолжал оставаться в зале один.

Однако, он уже был уверен, что библиотекарьша вышла из архива (не такая уж и большая библиотека, чтобы иметь многоуровневое километровое хранилище). А значит времени оставалось все меньше.

Нет, его не оставалось совсем.

Антон вернулся к карточкам, лихорадочно перебирая их трясущимися пальцами. И, наконец, он получил свой приз.

«Ларин Сергей Петрович №586

12 мая 1920 г.р.

Советская ул., д. 130 д, кв. 5».

Он сунул карточку в карман, и чувствуя подступающую к горлу тошноту (он буквально слышал тихие, приглушенные красным ковром с серыми цветами шаги, поднимающихся по лестнице женских каблуков), задвинул ящик и бе-

гом направился к стеллажу с книгами.

И уже протягивая руку, чтобы поставить свой роман на полку, боковым зрением заметил входящую в зал библиотечаршу.

– На любителя, – произнесла она, искоса посмотрев на книгу в его руках. Она прижимала к груди довольно тонкую подшивку старых газет. – Хотя, мне понравилась.

И пожав плечами, она положила подшивку на стоявший рядом стол.

Антон, все еще пытаясь отдышаться, слегка подрагивающими руками, поставил книгу на полку. И чувствуя, как его ноги становятся ватными (чуть не поймала, всего две-три секунды), опустился на стул и взглянул на газеты.

– Вам не хорошо? – не особо сочувственно спросила она, осматривая его взмокшее и слегка покрасневшее лицо.

– Нет, – с трудом выговорил Антон и добавил: – Все в порядке, просто, голова разболелась немного.

Он попытался улыбнуться, но его губы – словно вылепленные из воска и не живые, – совершенно не хотели растягиваться, и потому он даже не взглянул на стоявшую рядом женщину.

– Ну ладно, – бросила она и направилась за свою стойку.

Мокрая рубашка неприятно холодила тело, касаясь противными льдинками его подмышек. Казавшиеся ватными ноги мелко дрожали, переходя иногда в более широкое покачивание. Но стоило прижать колени друг к другу, дрожь передавалась на все тело.

Он украдкой взглянул на стойку. Но увидел только макушку, склонившейся над книгой, библиотекарьши. Она за ним не наблюдала. Вероятно даже забыла, что он тут есть. И его это вполне устраивало. Меньше всего ему сейчас хотелось вызывать подозрительные взгляды. А выглядел он, по своему разумению, вполне подозрительно.

Ну конечно же, он ведь украл карточку читателя.

Он усмехнулся. В тюрьму его за это не посадят, но и по головке тоже не погладят.

«Ей понравилась моя книга. Но она меня не узнала, – мелькнуло в его голове. – Да и хрен с ним. Главное, что не застала, когда я рылся в картотеке».

И да, это было главным.

А узнать его сейчас по той фотографии было сложно. Да и не фанатка она, чтобы помнить, как выглядит автор на задней стороне обложки книги, которую прочитали всего три человека.

Сделав пару спокойных вдохов, он попытался успокоить-

ся. И когда дрожь в ногах стала тише, взглянул на лежащую перед ним подшивку.

Сверху на первой и уже пожелтевшей странице крупными черными буквами было написано «ЗНАМЯ ТРУДА», правее стояла дата: Среда 4 января 1978 года.

«ЗНАМЯ ТРУДА».

Не «МОЙ КРАЙ», а «ЗНАМЯ ТРУДА».

Антон подумал, что над ним решили подшутить. Но под названием более мелким шрифтом значилось: Орган КПСС и районного совета народных депутатов Калининской области, г. Торопец.

Из этого следовало то, что газету не раз переименовывали.

«Что ж, ладно, – подумал Антон. – Всего двадцать четыре года, а все кажется настолько древним и не реальным».

Он прочел первый заголовок: «*НОВОГОДНЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ СОВЕТСКОМУ НАРОДУ*».

«Советскому. Советскому! Черт, я здесь точно ничего не найду, – где-то внутри начали нарастать раздражение и злость. – Бытовая смерть, инфаркт, даже самоубийство – что из этого могло попасть на эти страницы в городе с населением в четырнадцать тысяч человек? А каково было население в 1978? Черт, да тогда шагу лишнего без разрешения сделать было нельзя. И что я здесь собираюсь найти?»

Но он все равно начал переворачивать страницы, пока не дошел до августовских номеров.

«Середина или конец августа? – попытался вспомнить

он. – Когда тетя Таня забрала меня?»

Он перевернул страницы к следующему номеру, вышедшему в среду 9 августа. Потом добрался до среды 16-го. Пролистал вперед и остановился на статье с названием «*Граждане, будьте осторожны с газом!*», и что-то внутри сжалось в маленький тяжелый комочек.

В понедельник 14 августа капитаном милиции Лариным Сергеем Петровичем были обнаружены тела гражданина Полевого Дмитрия Антоновича и гражданки Полевой Анастасии Владимировны, состоявших в браке.

Капитан милиции пришел к ним домой в связи с тем, что их сын, в результате несчастного случая попал в больницу, и обнаружил их лежащими на кухне. Как сообщил капитан милиции Ларин, в доме сильно пахло газом. Приехавшие фельдшера констатировали смерть, скорее всего от удушья и отравления газом. Капитан милиции Ларин отметил, что газовые конфорки небыли открыты, но газ по всей видимости выходил через плохое соединение шланга с плитой.

Связь с предыдущими смертями граждан в милиции отрицают. Они заявили, что сын Полевых Антон, которому исполнилось четырнадцать лет, жив и находится без сознания в хирургическом отделении нашего города, а дети погибших с начала этого месяца четырех семей, тоже были мертвы.

В милиции считают, что граждане Полевые погибли в результате своей халатности, не проверив вовремя газовую плиту. Что же касается несчастного случая с четырнадцатилетним Антоном, то здесь так же нет состава преступления.

6

Антон почувствовал, что вспотел еще больше. Промокшая рубашка прилипла к спине, и словно облитая ледяной водой, пробирала крупной дрожью его тело. На руках выступили мурашки, создавая впечатление копошащихся под кожей мелких жучков. В голове звенело, но Антон сразу отметил, что это не предвестники возможной потери сознания. Это был звон ошеломления, звон волнения, звон возбуждения.

Теперь он знал, как погибли его родители.

«Но почему тетя Таня никогда не говорила мне об этом? Почему умалчивала и никогда не касалась этой темы? Она вообще не желала говорить о том, что было до 16 августа 1978 года, когда она забрала меня из больницы в Торопце и увезла в Тверь (тогда еще Калинин). Почему?»

Смерть от отравления газом не казалась ему чем-то таким сверхординарным, чем-то неподобающим и жутким, о чем не следует говорить подростку.

Если только это не было как-то связано с другими смертями, о которых упоминалось в этой статье. Однако, милиция в то время их не связывала. Да и какова причина их смертей?

...а дети погибших сначала этого месяца четырех семей, тоже были мертвы.

«Четыре семьи, включая детей, – с ужасом подумал Антон. – Это дело рук какого-то психопата? И почему смерть моих родителей могли связать с их смертями?»

Четыре.

Эта цифра осела в его сознании, покрывая все белым бархатистым пеплом. словно навязчивая идея без определенных действий, без четкого понимания смысла.

Четыре.

Четыре подростка вместе с их родителями.

«Я пятый? – вдруг подумал он. – Но почему, черт побери, меня это волнует? Как я мог быть с ними связан? Я что, тоже должен был умереть? Но... Но я же жив. Я... я попал в больницу».

Капитан милиции пришел к ним домой в связи с тем, что их сын, в результате несчастного случая попал в больницу...

«Какого, нахрен, несчастного случая? – думал он. – Что со мной произошло? Какого хера я ничего не помню?»

Звон в голове сменился натужной пульсацией в висках и тихим монотонным свистом. По затылку свинцом разлилась тяжесть.

Антон попытался взять себя в руки, предчувствуя возможность обморока, если не прекратит лезть в закрытые дебри своей памяти. Он закрыл глаза и помассировал виски. Его пальцы показались ему ледяными, и неприятные ощущения, в месте их прикасания к коже, оттеснили на задний план грубую пульсацию.

«Так, ладно, – подумал он. – Может и не стоит в это лезть? Просто сдай подшивку и начни новую жизнь. К чему вспоминать прошлое? Ведь, прошлое должно оставаться в прошлом. Не так ли? Да, тетя Таня говорила мне, что это именно так. И со временем я в это поверил. Черт, да я и сейчас в это верю. Вот только...»

Вот только ему хотелось знать.

Знать больше. И понять, наконец, почему прошлое (его прошлое) должно оставаться в прошлом.

Он вспомнил, как на одном из интервью, которое он дал какому-то популярному журналу, его спросили о детстве. Вопрос формулировался так: «Какое у вас было детство, и как оно повлияло на ваше творчество?» Но прямой смысл вопроса имел другой контекст, вопрошающий о том, какая хрень могла произойти с ним в детстве, что он начал писать романы ужасов.

И он всегда отвечал одно и то же, что просто всегда любил много читать. И ничего более.

Иногда ему хотелось ответить на подобный вопрос, что прошлое должно оставаться в прошлом. Скажи он правду, что ничего не помнит из своего детства, и ему бы просто никто не поверил, продолжая наседавать все с новыми и новыми вопросами. А фраза «Прошлое должно оставаться в прошлом», вполне могла сойти за ответ. Только в этом случае они могли начать копать его прошлое сами. И иногда ему этого хотелось. Если он не может вспомнить, то пускай это сде-

лают они. Но в тоже время он и боялся того, что могут накопать журналисты. И порой этот страх (совершенно не объясненный и беспричинный) не давал ему покоя.

Антон почувствовал, что на него смотрят. Глазеют. И очень пристально.

Убрав руки от головы, он осмотрелся. Библиотекарша тут же опустила голову, снова уткнувшись в книгу. Но ее взгляд, казалось, оставил на нем свою липкую паутину. Он чувствовал, что не понравился ей. Да и с чего он должен был ей понравиться? Но он чувствовал, как от нее сквозит неприязню.

«Да, умеешь ты производить впечатление», – подумал Антон.

Но, собственно, он никогда и не старался. Читателей интересовало лишь его творчество. Журналистов – все, что тянуло на скандал и создавало интригу. Хотя, последним платили, чтобы они хоть что-то о нем написали. Сам же он никуда не лез и на публику особо не выставлялся. Его устраивала тихая и мирная жизнь.

И сейчас он никак не мог отделаться от налипшей неприязни, с которой поглядывала на него библиотекарша. Хотелось поскорее уйти.

Но прежде...

Капитан милиции Ларин Сергей Петрович.

А не его ли карточка сейчас лежит в его заднем кармане? Но Антон помнил только номер – 586. И да, буква перед но-

мером на листке возврата – Л. Однако, это казалось слишком нереальным совпадением. Хотя и возможным, предположил Антон.

Но лезть в карман за украденной карточкой он не решился. Библиотекарша в любой момент могла снова на него посмотреть.

Антон вновь взглянул на подшивку.

Надежды на то, что о его родителях (или о нем самом) еще что-нибудь напишут, было мало, но он все же пролистал еще несколько выпусков за август и сентябрь. И ничего не обнаружил. Смотреть дальше не имело смысла. Но пролистать назад стоило. Все же в статье упоминалось о еще четырех семьях, погибших ранее.

Антон вернулся к первому выпуску за август. Но ничего там не обнаружил. Зато во втором, на второй странице была небольшая заметка: «*Грозит ли опасность советским гражданам?*»

Пятнадцатилетний Трефильев Дима был найден мертвым в воскресенье 6 числа на выезде из города, буквально в метре от знака с названием города. В милиции сообщили, что его сбила машина, отбросив на обочину. А когда они пришли к нему домой, чтобы сообщить родителям о его смерти, то обнаружили тело гражданки Трефильевой Татьяны Сергеевны. Как сказали в милиции: «Она упала в подвал и сломала шею». Ее мужа и отца пятнадцатилетнего Димы гражданина Трефильева Константина Антоновича не было ни дома ни на работе. Его тело обнаружили рыбаки утром 7 числа в понедельник в реке Торопа на границе города. Вероятно, утонул еще в воскресенье.

Смерть семьи Трефильевых в милиции не стали связывать со смертями погибших ранее еще трех семей. Как объяснил полковник Муров: «Это всего лишь череда несчастных случаев, и угрозы для советских граждан нет».

Антон пролистал газету дальше и вновь уткнувшись в статью «Граждане, будьте осторожны с газом!», закрыл подшивку.

Это всего лишь череда несчастных случаев, и угрозы для советских граждан нет.

Но почему-то ему показалось, что смерти всех четырех семей были не случайными. Их могло что-то объединять, как и его семью то же. Вот только смерти действительно похожат на несчастные случаи. Утопление, сломанная шея от падения в подвал, сбит машиной... отравление газом. И что-то случившееся с ним (какая-то травма, еще один несчастный случай, только оказавшийся не смертельным). Не стоит забывать и про три других семьи, о которых ничего не было сказано. И если это не явные убийства, о чем уже точно было бы написано, то...

Это всего лишь череда несчастных случаев...

Но не много ли таких случаев за первую половину месяца? И не просто кто-то, а семьи: взрослые и их дети.

Пятнадцатилетний Трефильев Дима.

Имя и фамилия показались Антону знакомыми. Но никаких ассоциаций не всплыло. Просто мальчик, который в то время был старше его на год. Мальчик, который мог быть его (другом?) знакомым, или просто проходившим мимо на пе-

ремене в школе.

И все же что-то внутри него готово было откликнуться на это имя. Вот только оно было глубоко и за пределами его воспоминаний.

Антон вновь почувствовал липкую паутину, окутывающую его с головы до ног. И паутину эту плела своим неприязненным взглядом библиотекарьша. Он подумал, что если бы ее глаза умели прожигать дыры, то он бы сейчас походил на решето.

По телу пробежал озноб.

«Пора выметаться отсюда, – подумал Антон. – Эта тетка и мертвого из гроба поднимет, если так же будет на него смотреть».

Выходя, он взглянул на свои часы и отметил, что довольно долго просидел с подшивками. Стрелки на его наручных часах уже давно перевалили за полдень, подбираясь к двум часам. Следовало торопиться. За завтраком Дина почти ничего (вообще ничего) не съела и к этому времени должна была хорошо проголодаться, да и он сам чувствовал, как его голодный желудок начинает нервно ворчать.

Добравшись по Советской улице до центра города, он отметил, что за весь путь (включая от дома до библиотеки) ему не попалось ни одного сетевого супермаркета. И покрутившись на пересечении Советской и Некрасова, он зашел в ближайший увиденный им магазин.

Вернувшись домой с двумя большими пакетами, он застал Дину возле телевизора. Она крутила, поднимала и перетаскивала домашнюю антенну то влево, то вправо.

– Два канала! – раздраженно проговорила она. – Это не смешно.

– Ну, кабельное до сюда еще не добралось, – улыбнулся Антон и прошел на кухню.

– И что еще до «сюдова» не добралось? – несколько язвительно спросила девочка.

– Супермаркеты, – произнес Антон, вспоминая, что ему пришлось зайти в четыре разных магазина, чтобы купить все

необходимые ему продукты.

Первым делом он подошел к кухонной плите и глубоко вдохнул.

Запах был. Несомненно. Он его почувствовал еще в первый день. Ненавязчивый, смешанный с запахами сырости, ветхости и необжитости дома. Сначала он показался ему приложением к тому, что следовало изменить и обустроить в новом доме. Потом напомнил, что стоит периодически проветривать кухню, особенно перед тем, как зажигать плиту. Но все это продолжало оставаться ненавязчивым – частью примеси внутреннего климата старого строения. И только теперь он начал улавливать яркий, совершенно отделенный от всего запах. Запах, не способный еще в такой малой концентрации довести даже до головокружения, но уже звенящий нотками предостережения. Запах, который двадцать четыре года назад каким-то образом не почувствовали его родители. Запах газа, уложившего двоих взрослых прямо посреди кухни.

Антон понимал, что сейчас им скорее движет приступ паранойи, посеянной возбуждением. Возбуждением от того, что он, наконец, узнал, как погибли его родители, где это случилось и из-за чего. И потому запах газа не может быть настолько ярким, каким он ему показался. Но в тоже время он есть и с этим следовало что-то сделать.

Однако, сейчас ему меньше всего хотелось заниматься тем, с чем он никогда не сталкивался. Для него принцип действия газовой плиты ничуть не отличался от принципов, на которых базировалась орбитальная станция. Он, конечно, понимал, что плита не столь мудреная, как космический дом, но шансы сделать только хуже оставались всегда.

Поэтому Антон подумал о возможности пригласить опытного человека (профессионала и дипломированного, если на то пошло) и шире распахнул форточку, вдыхая свежий летний воздух.

Взглянув на покрывавший пол линолеум с ромбовидным узором, он подумал о меловых линиях из американских детективов, которыми обводили тела погибших. Но тут же отмахнул от себя эти мысли. Ненасильственная смерть не считалась поводом для заведения уголовного дела, и такие тела уж точно не обводили мелом. А обводили ли их вообще у нас, тем более, в советские времена? Этого он не знал.

Не знал он и о том, была ли смерть его родителей действительно ненасильственной. Ведь они находились в достаточно большом списке среди несчастных случаев за начало августа 1978 года.

И тут он увидел два больших темных пятна на линолеуме. Сначала они показались ему размытыми и вытянутыми овалами. Но приглядевшись внимательнее и не веря своим глазам, он различил два не четких человеческих силуэта. У того, который был поменьше, одна нога казалась согнутой в ко-

лене и отведена чуть в сторону. У второго ноги расходились примерно на полметра, а одна рука тянулась к...

«Маме, – подумал Антон. – Уже умирая, отец тянулся к ней».

Антон испугался своих мыслей. Испугался видения на полу своей кухни. Испугался замершего в груди сердца. Оно пропустило удар, пропустило второй (в глазах начало темнеть, он не мог даже вдохнуть, хотя, какой был в этом толк, если кровь не циркулировала и не питала мозг свежим кислородом, а тело, словно из ведра, окатило ледяной водой) и, наконец, застучало громко и отчетливо.

Антон сделал глубокий судорожный вдох, покачнулся и привалился задом к газовой плите. Пелена перед глазами уходила, оставляя после себя легкое головокружение. И прикрыв веки, он медленно досчитал до пяти. А когда все неприятные ощущения ушли, вновь посмотрел на пол.

Тени исчезли и потертый с годами линолеум ярко освещался дневным светом.

Он поднял голову и увидел Дину.

Девочка резко вскинула взгляд от пола и посмотрела на него.

«Неужели... Нет, она не могла этого видеть», – подумал Антон.

– Пожрать купил, – произнесла Дина, подходя к стоящим на полу пакетам, и заглянула в них.

Но не заметил ли он в ее глазах (на мгновение, только

на одно мелькнувшее мгновение) ... что? Страх? Нет, то была ясная и отчетливая тревога. Тревога за него.

Дина принялась раскладывать продукты по полкам шкафчиков и холодильника. Молча и сосредоточенно. Она словно не замечала стоявшего рядом отца. Застывшего в еще до конца не объясненном себе изумлении. А перед его глазами стояли два темных пятна, две тени, увиденные им в нескольких кратких мгновениях на полу.

И за то время, что они готовили обед, никто не проронил ни слова. Сосредоточенная на чем-то своем девочка, и обдумывающий смерть родителей мужчина. Они действовали молча, словно уже давно решили, что будут есть, и кто и какие продукты будет нарезать. Идеальная совместная работа на кухне. Они вдвоем словно один.

За столом так же сохранилось молчание. Только теперь девочки будто и не было. Она перед ним, смотрит в тарелку, но не ест, а в глазах пугающая пустота.

Антон хотел окликнуть ее, разбудить, словно она уснула с открытыми глазами и теперь блуждает в кошмарных внутренних мирах. Но потом он вспомнил, что она, возможно, то же видела эти тени, и сейчас он просто наблюдает реакцию испуганного ребенка.

Испуганного?

Но страха в ней было меньше всего (была тревога), а сейчас не было вообще ничего.

Обед закончился, и Дина ушла в свою комнату, так

и не притронувшись к еде.

Антон не мог понять, что происходит с его дочерью. Но, возможно, и не хотел, списывая все на переезд, которого девочка не желала. Девочка, прожившая два года с осунувшимся, ничего не делающим, и буквально разлагающимся от горя отцом.

Но теперь он вернулся. Вернулся, чтобы жить. Чтобы продолжить жить. Продолжить писать. Чтобы вновь стать отцом, которого она заслуживает.

Вот только что он делает, чтобы последнее обрело реальную форму?

Убирая тарелки со стола, Антон подумал, что сегодня вечером нужно будет обязательно поговорить с дочерью. Поговорить так, как они говорили раньше (до смерти Кати) – открыто и непринужденно, обо всем на свете. Вот только он боялся, что после этих двух лет, им обоим попросту нечего будет сказать друг другу. Он боялся, что она уже слишком сильно успела от него отдалиться. А ведь ей всего двенадцать...

Антон замер с полотенцем в руках.

«Ей уже четырнадцать, – с тревогой подумал он. – Двенадцать ей было когда...»

Перед глазами возникло окровавленное лицо Кати, с глубоким порезом на лбу, обнажившим белесый череп. Но следом пришел другой образ, образ двух силуэтов на полу его кухни.

Он тут же вспомнил о статьях в подшивке за 1978 год. Вспомнил о выпавшем из его книги пожелтевшем листке. Вспомнил об украденной библиотечной карточке, до сих пор лежавшей в заднем кармане его джинсов вместе со сложенным вчетверо листом.

Он вспомнил номер карточки – 586.

Антон подошел к своему письменному столу и достал из заднего кармана джинсов карточку и листок. Положив их перед собой, он взглянул в окно.

Солнце все еще ярко светило, перевалив свой зенит. Но радовать своими лучами, ему оставалось не долго. Темная шапка облаков, замеченная им с утра над лесом, теперь уже полностью перекрывала виденное из окна небо. Ветра почти не было, лишь иногда доносилось его слабое дуновение. И практически ничем не подгоняемые тучи, медленно (слишком медленно) надвигались на город, грозя обильными ливнями на долгий вечер.

«Неприятная картина», – подумал Антон, вспоминая, что за всю сегодняшнюю прогулку ни разу не посмотрел вверх.

На самом деле, картина за окном больше показалась ему мрачной. И как все мрачное, она имела свой шарм. Некое не уловимое чувство на грани тревоги, опасения и таинственности. Он кормился за счет этого шарма, который всегда умел передавать в своих книгах.

Но сейчас надвигающийся мрак не казался ему столь привлекательным. Неприятя все же не было, как изначально он подумал, но вглядываться в наступающее ненастье не хотелось.

Антон задвинул шторы, щелкнул выключателем у двери,

обрамляя комнату желтоватым светом лампочки (он вдруг подумал о том, что прошлой ночью свет казался ему более ярким, более контрастным), и сел за стол.

Он попытался вспомнить имя милиционера из газеты, но в голове вертелось только то, что он был капитаном.

Капитан милиции пришел к ним домой в связи с тем, что их сын, в результате несчастного случая попал в больницу, и обнаружил их лежащими на кухне.

Капитан милиции.

Капитан.

Но его имя напрочь выветрилось из головы Антона.

«Надо было сделать ксерокопии, – подумал он. – Чертовы ксерокопии».

И взглянул на карточку.

«Ларин Сергей Петрович №586

12 мая 1920 г.р.

Советская ул., д. 130 д, кв. 5».

Антон прикрыл глаза и облегченно вздохнул, думая о том, что был все-таки прав. Что капитан милиции и читатель, бравший его книгу последним, – один и тот же человек. Правда, ему сейчас было восемьдесят два года. И от следующей мысли ему стало не хорошо.

Он подумал о том, что старик, возможно, уже мертв.

Да, в августе 2000 года он еще был жив, так как брал его книгу в библиотеке. И возможно, что книгу вернули не его родственники, опечаленные смертью старика, а он

сам. И возможно...

Антон пронзила глупая, несуразная мысль. Вот он подходит к дому 130 д на Советской, а у подъезда стоит карета скорой помощи. Он хочет войти, отыскать квартиру №5, но дорогу ему перегораживают водитель скорой и фельдшер, выносящие носилки, накрытые простыней. А под простыней угадывается иссохшее от старости тело. И нет больше смысла подходить к двери с цифрой 5 над «глазком», или вместо него, и звонить в звонок, стучать, выкрикивать имя. Потому что никто не откроет. Потому что единственного обитателя этой квартиры только что вынесли вперед ногами.

Антон попытался отогнать от себя эти мысли. Но белая простыня с проступающим рельефом старческого тела накрепко засела в его голове, крича, вопия, что все уже кончено. Кончено, так и не успев начаться.

Он вновь взглянул на карточку. Единственной записанной туда книгой была «Посмотри вниз», автор Антон Полевой. И дата 16.08.2000 год.

Антон передернуло, словно он ухватился за оголенный провод. Карточка выпала из его онемевших пальцев.

«Шестнадцатое, – пронеслось в его голове. – Шестнадцатое... августа...»

И вновь он увидел глубокий порез на лбу, обнажавший белую кость черепа. Спутанные русые волосы с застрявшими в них осколками битого стекла. Пустой взгляд за мутнеющей роговицей. Приоткрытый рот с разможжённой верхней

губой, приоткрывающий вид выбитых передних зубов. И все еще дергающееся внутри машины тело, лишенное головы.

Огромный тошнотворный ком подкатил к горлу Антона. Он чувствовал, что весь съеденный обед готов рвануть наружу. А голова отъезжала, словно он только что выпил залпом бутылку водки. И быстро отодвинувшись от стола, он наклонился вперед, закрыл глаза, зажал голову между колен и попытался дышать размеренно.

Медленный вдох. Выдох.

Вдох. Выдох.

Сжатый такой позой, желудок дрогнул, но пища осталась внутри. Рот наполнился горечью.

Ярко-алая помада на нижней губе, запятнанная кровью (от верхней почти ничего не осталось).

Вдох. Выдох.

Его голова словно попала в центрифугу и раскручивалась со всевозрастающей скоростью. Под закрытыми веками вспыхивали ослепительно-яркие огни.

Мутный взгляд, молчащий о красоте, некогда бывших карими, глаз.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Ком продолжал давить на горло. Но центрифуга, наконец, стала сбавлять обороты, а вспышки меркнуть. Нос заложило. И Антон почувствовал, как к переносице скатились слезы.

Изуродованное лицо стало серым, смазанным.

Вдох. Выдох.

Соленая капля выросла и сорвалась вниз и с глухим, но достаточно отчетливым звуком, разбилась о ковер.

Вспышки рассеялись. Прекратилось и головокружение.

И он услышал тихие приглушенные голоса. Высокие, принадлежавшие детям, выводящим до боли знакомый мотив.

Антон прислушался.

*Ушла Алиса погулять,
Ушла и не вернулась.
Вернулась только ее плоть,
Но без души вернулась.
Во мраке умерших земель
Ее душа проклята.
Во мраке страха и потерь
Она лишь ужасом объята.
И у Алисы нет друзей.
Алиса безутешна.
Во мраке страха и потерь
Она блуждает вечно...*

Вслушиваясь в монотонные не стройные голоса, Антон медленно выпрямился и взглянул на занавешенное окно. Пели на улице. Пели, стоя перед его домом.

Все еще чувствуя легкое головокружение, он привстал, отодвинул шторку и выглянул в окно.

На дороге стояли пятеро ребят (тех же самых, которых он видел вчера) и смотрели в его сторону. Но как только он при-

близил лицо к стеклу, чтобы внимательнее их разглядеть, дети тут же замолчали. А в следующее мгновение бросились бежать, крича от страха.

Тонкий надменный свист паники зазвучал в его голове, вороша «битые файлы» памяти. Песня казалась знакомой. Но еще более знакомым выглядело все действие целиком: пятеро детей перед чужим домом, их странная песня и робкие, но громкие голоса, их паника и бегство.

Держась за раскалывающуюся от боли голову, Антон опустился на стул. Сознание ревело, вопрошая, какого черта здесь происходит? Но этот вопрос лишь бился о черные стены потухшей памяти. Он пытался гнать от себя все лишние мысли. Пытался перекричать все внутренние вопросы, вопя: «Все, все, хватит!» Но вновь и вновь от стен отскакивал один и тот же вопрос. Перед глазами мелькали дети в резиновых сапогах и куртках, а в ушах слышался нестройный хор их голосов.

И тут его сознание зацепилось за...

Боль сжалась в большой и тяжелый ком, отступила от границ черепа и спешно перекатилась к затылку. Застыла у самого основания, и, продолжая пульсировать, кольнула позвоночник едким холодом, посылая раздражение к рукам, ногам, в живот и грудь. И, прежде чем все импульсы достигли своих точек, Антон вдруг ясно осознал отличие между детьми за своим окном, и теми, которых он увидел под опущенными веками. Но, когда, как ему показалось, пришло по-

нимание (воспоминание) из прошлого, холод окончил свой путь и кольнул каждую часть его тела.

Антон продернуло так сильно, словно он схватился за оголенный провод под напряжением, и следом пришла пустота.

Боль ушла. В голове начало проясняться.

Антон подумал, что был близок к очередному обмороку. Что был близок к части детского воспоминания. Но, возможно, одетые сегодня в кроссовки и футболки, эти дети смешались в его памяти с самими собой, только в сапогах и куртках из вчерашнего дня. И все же сапоги, о которых он вспомнил, казалось, принадлежали не им. Вот только кому?

Антон взглянул на лежавшие перед ним библиотечную карточку и сложенный вчетверо пожелтевший листок. Вспомнил о прочитанном в газетах. Вспомнил два темных силуэта на кухонном полу. И решил, что если его память молчит, то он будет искать ответы в памяти других. И либо восстановит свои «битые файлы», либо заменит их. В противном случае, он мог лишиться разума, так как это место буквально требовало, чтобы он вспомнил. Вспомнил все.

Антон взглянул на наручные часы. Стрелки показывали ровно четыре часа.

«Довольно поздний визит, получается», – подумал он.

Но разобраться во всем хотелось как можно скорее. И прежде всего его интересовал старый пожелтевший листок с машинописным текстом, который оставил в его книге последний читатель (так и не дочитавший ее до конца).

Ларин Сергей Петрович с номером 586 в библиотечной картотеке.

А еще он мог больше рассказать ему о смерти его родителей. Сказать, где они были похоронены. И последняя мысль только сейчас появилась в его голове. Ведь теперь он сможет сходить на их могилу, чтобы попрощаться. Навестить их несмотря на то, что кладбища он старается всегда обходить стороной. Тема смерти, так часто поднимаемая им в его романах, и без того неоправданно часто поднималась в его реальной жизни. Но не сходить почтить память своих родителей, было полнейшим кощунством в его понимании.

Но два года он не был на могиле жены. И эта мысль дернула неприятные струнки в его голове. Отмахнуться от которых было тяжело. И лишь единственное оправдание (оно же – вина) нашлось в его вдруг опустевшем разуме – он был вне себя от горя и запустил даже свою жизнь. Но был еще

Смирнов его литературный агент, который не только молча принял его горе, но и взял на себя обязанность ухаживать за могилой Кати.

Возможно, и он это прекрасно понимал, что, навестив родителей один раз, он не скоро еще сможет заставить себя прийти вновь. Возможно, следующим разом он там появиться только в сопровождении людей, несущих его гроб.

Мысль о том, что он сам когда-нибудь окажется постояльцем кладбища, холодным комом провалилась в его желудок, и мелкая дрожь прошла по всему телу.

Но оставались и еще факты, которые хотелось ему прояснить, прежде чем его внесут в одноместной деревянной коробке в место умиротворения. А именно, была ли смерть его родителей только лишь случайностью. Или той случайностью, которая охватила еще четыре семьи тихого, на первый взгляд, городка.

И на все эти вопросы, вполне мог ответить Ларин Сергей Петрович №586.

Он взглянул на карточку и прочел дату рождения: 12 мая 1920 г.

– И все же ему 82 года, – проговорил Антон.

Мысли о том, что тело старика вынесут, как только он подойдет к его дому, уже не показались ему такими бредовыми. Он подумал и о том, на сколько к своим восьмидесяти годам старик мог выжить из своего ума. И какова к тем же годам его память.

Но старики, обычно, помнят все.

Антон вновь посмотрел на карточку, прочел адрес. Никаких ассоциаций в его голове не возникло.

Он встал, положил карточку в задний карман джинсов. Посмотрел на все так же сложенный вчетверо листок. Пожонглировал в уме словами «братъ», «не братъ». И засунул листок в карман.

«Возможно, стоило прочитать текст, перед тем как идти к старику», – подумал он.

Могло оказаться и так, что это всего лишь один из его старых протоколов, по какой-то случайности завалявшийся в его квартире, и потому, не имеет ничего общего с теми двумя листками. Но не смотря на вдруг появившееся сомнение, Антон продолжал быть уверенным, что это продолжение. Продолжение того, что он уже находил, и напечатано оно на все той же машинке с западающими буквами «н».

Отодвинув шторку, он выглянул в окно.

Стало темнее. Облака атаковали солнце. Вдали кренились, но пока еще слабо, верхушки деревьев. И Антон подумал, что стоит надеть куртку. Сегодняшний вечер обещал быть прохладным, вот только в дожде он не был уверен, хотя тучи заходили тяжелые.

На этот раз он не стал предлагать дочери прогуляться с ним. Теперь он точно знал, куда пойдет. И увеселительной прогулкой там даже не пахло. Собственно, так же Антон был уверен и в том, что Дина вновь откажется выходить из дома. Что ж, он ее не винил, – ей пришлось попрощаться со старой школой, с друзьями и уехать вслед за отцом в совершенно не знакомый ей город. Город, в который она не хотела. Вот только было ли ей с кем прощаться там, откуда они приехали?

Антон понял, что совершенно ничего не знает о дочери с момента смерти Кати. Эти два года были для него как в тумане. И больше всего он боялся узнать, каким это время было для Дины, – смерть матери, обезумевший и скатившийся отец, не видящий дальше своего горя.

Своего. Хотя горе принадлежало им обоим. Но Дина оставалась одна.

Антон протер увлажнившиеся глаза и надел ветровку.

Как же он себя ненавидел, думая о дочери, брошенной им на произвол судьбы. Он пытался вспомнить хоть один вечер, проведенный с нею, после смерти Кати. Но сквозь окутавший те дни туман, он ощущал только пустоту.

– Дина, – его голос дрогнул, чуть не дав петуха. Ему вдруг показалось неправильным вновь оставлять ее одну, пусть

и на один только вечер. Оставлять без внимания. Но сколько он уделил ей времени с момента их переезда? Внутри Анто-на все свернулось – этот ответ он знал.

– Что?

– Мне нужно... – он запнулся. Может все же стоит остаться? Попробовать поговорить с дочерью, посмотреть вместе вечерний фильм? Он взглянул на часы: пятнадцать минут пятого. На фильм он явно успеет вернуться. А вот о чем говорить, он пока не знал.

– Что? – повторила девочка. Ее голос звучал глухо за закрытой дверью спальни.

«На обратном пути куплю попкорн и посмотрим кино», – решил Антон и сказал:

– Мне нужно навестить одного старого знакомого, – вот только вряд ли они были настолько знакомы, и все же ему показалось, что такой ответ подойдет. – Вернусь через пару часов.

Ответа он не дождался и вышел на улицу.

Снаружи его встретил прохладный ветер. Взглянув вверх, Антон увидел, что больше половины неба, закрывали плотные свинцовые тучи. Дневная августовская духота сходила на нет и Антону уже сейчас захотелось застегнуть ветровку, но, пока температура не стала ниже, он вполне мог пропотеть под не продуваемой тканью.

Опустив взгляд, он вышел на дорогу и осмотрелся.

Никого не было. Соседние дома стояли пустыми и забро-

шенными уже много лет.

К слову сказать, что соседей у вас нет так же с 1978 года.

Их участки заросли высокой сорной травой. Заборы из поросшего зеленоватым и голубым мхом штакетника, почерневшего от времени и влаги, покосились, и держались, если не на честном слове, то подпираемые той же травой, явно доходившей ему до пояса, а то и выше. Дома стояли не приглядными, с облупившейся и выгоревшей на солнце краской. Большинство стекол было выбито и окна походили на разинутые пасти немислимых монстров с зазубренными и неровными зубами, покрывшимися паутиной и кариесом.

Дом с пустынным участком напротив, за которым виднелась гладь небольшого водоема, выглядел лучше. Его стекла все еще были на месте, а за ними просматривалась потемневшая от пыли и грязи, уже давно никем не меняная тюль. Но и он был необитаем уже много лет. Хотя Антон не был уверен, что все двадцать четыре года, возможно, лет пять, может больше.

«Кто-то здесь еще жил, когда я покинул этот город», – подумал он.

С этой мыслью он отправился к библиотеке, решив начать поиск дома №130 от нее, ибо они находились на одной улице, и оставалось только определить в каком направлении стоило идти.

Оказавшись на перекрестке возле гостиницы, он вновь по-

смотрел на дом культуры и подумал, что кинотеатр все же находится слева, а не справа (если он еще сохранился). Но эта информация не давала ему ничего, кроме того, что он хоть что-то вспомнил.

«Вспомнил несущественное», – подумал он.

Оторвав взгляд от предполагаемого места кинотеатра, он посмотрел на категорично желтый фасад дома, почему-то напоминающего здание суда. Но подходить ближе, чтобы прочесть большую табличку на стеклянных дверях, ему не хотелось. Он взглянул на синий номер и название улицы на его углу.

№33.

Все остальное его не волновало.

Посмотрел на номер гостиницы.

№35.

И определившись с маршрутом, Антон повернул направо.

Какое-то время он шел, совершенно не заботясь о номерах домов, ведь ему предстояло пройти их около сотни. К тому же, он был уверен, что вскоре одно- и двухэтажные деревянные и кирпичные здания сменяться типичными многоэтажками, и тогда цифры на домах начнут повторяться, только к ним прибавятся буквы. А это означало, что пройти придется больше, чем сотню.

Но представляя себе пятиэтажные дома, он все больше думал, что в той части, где живет Ларин, их нет. Он так же был уверен, что там нет центрального отопления. Только печки

в небольших квартирах. По шесть квартир на подъезд. Три на первом этаже, три на втором. По два подъезда на дом.

Откуда у него взялась такая структура, он старался даже не думать. Точно так же он знал, что кинотеатр слева в доме культуры.

Когда улица начала плавно поворачивать вправо, и он прошел У-образный перекресток, Антон взглянул на последний на его пути деревянный домик, выкрашенный в бордовый цвет.

№125 а.

Далее показались двухэтажные кирпичные здания. На ближайшем значилось №125 б. Он прошел к следующему. №125 в.

«И сколько сто двадцать пятых в этом ряду?» – с каким-то отстранением подумал он и представил себе нескончаемую улицу с домами под одним номером на весь алфавит от А до Я. Но быстро отбросил эти мысли и взглянул через дорогу.

№130 ж.

«Уже теплее», – и на лице появилась легкая, но в то же время беспокойная улыбка.

Только теперь, перебегая заасфальтированную дорогу, Антон подумал о том, что он скажет бывшему капитану милиции Ларину, когда постучит в его дверь с номером 5 над глазком, или вместо него. И будет ли хоть какое-то дело этому глубокому старику до незнакомца, решившего вдруг во-

рваться в его тихую и размеренную жизнь? Жизнь, в которой давно уже нет минувшего 1978 года. Вспомнит ли он состоявших в браке Полевых Дмитрия Антоновича и Анастасию Владимировну, погибших от отравления газом в их собственном доме? А о других смертях?

Антон коротко взглянул на буквы домов и пошел вглубь, понимая, что вдоль дороги нужного ему дома нет.

Он подумал о том, что в смерти его родителей, судя по газетной статье, состава преступления не нашли. Но были и другие смерти, которые не считались случайными. И их то старый капитан вполне мог помнить, вот только вряд ли он захочет о них говорить. А что касается простого удушья газом, то какое ему дело до невнимательных супругов, погибших по своей неосторожности.

Страшная мысль пришла ему в голову, и он тут же попытался ее отбросить, выкинуть, как кусок сырой прогнившей и уже начавшей вонять тряпки, случайно найденной за унитазом. Но запах остался. Устойчивый след, повисший в тяжелой атмосфере, постоянно напоминающий о неприятной находке.

Антон попытался вернуться к размышлениям, что из-за отсутствия состава преступления, Ларин мог не запомнить его родителей.

Родителей, которые вполне могли покончить жизнь...

Мысль пришла вновь, и он оказался не в силах от нее избавиться. А все его попытки походили на переключивание

гниющего сырого куска из одного мусорного ведра в другое.

«Разве можно посреди дня не учуять запах газа? – подумал он. – Они же не спали!»

Антон почувствовал, как его пробирает холодный и липкий пот. Он расплзлся по всему телу: подмышки, грудь, спина, даже в паху стало мокро. Пара капель ледяного пота стекла по его загривку, заставив поежиться. А налетевший прохладный ветер в один момент обратил в лед его ставшую мокрой рубашку.

«Нет! – вскричал его разум. – В газете писали, что они погибли в результате своей халатности!»

В милиции считают, что граждане Полевые погибли в результате своей халатности, не проверив вовремя газовую плиту.

«В милиции считают, – подумал Антон. – А какой протокол проще заполнить, о случайной смерти, или о самоубийстве? И не лучше ли скрыть инцидент с самоубийством законопослушных граждан от других граждан, когда в городе завелся убийца?»

Антон остановился и потер виски ладонями. Ему хотелось прекратить эти неприятные мысли. Мысли о том, что его родители могли покончить жизнь самоубийством.

Может по этому его тетя и не хотела говорить о их смерти.

Антон сделал медленный вдох и так же медленно выдохнул, вместе с тем убрав руки от головы. Теперь ему было абсолютно все равно, как он заявится в дом этого старика –

он найдет что сказать, в конце концов он имеет право знать правду, и он ее узнает. Он заставит говорить бывшего капитана милиции, если тот не совсем рехнулся под старость лет. А ведь еще два года назад он пытался осилить его книгу. Вряд ли маразматичный пердун без царя в голове будет брать в библиотеке книгу с мистическим триллером в содержании.

Но два года...

Да, за два года старик мог не раз слечь с инфарктом.

«Вот и выясним», – немного успокоившись, Антон взглянул на номер дома, рядом с которым остановился.

№130 д.

Перед домом никого не было, но с других дворов доносились детские крики. Где-то играла музыка, – что-то из Queen судя по мотиву, но что именно Антон разобрать не мог. В одном из соседних домов громко ругались. Из открытого окна на углу дома №130 д довольно громко вещал телевизор.

Антон зашел в первый подъезд.

Слева у самых ступенек ведущей на второй этаж лестницы была, обитая черным дерматином дверь с цифрой 4, в полутора метрах от нее за коричневой железной дверью была квартира с номером 5 (цифра крепилась над глазком), на противоположную ей дверь Антон даже не глянул.

Звонка рядом с косяком не было, и Антон постучал по металлу костяшками правой руки.

Из соседней двери доносились громкие звуки телевизора. Судя по всему, шло какое-то бурное обсуждение; очередная

передача ни о чем, как подумал Антон. И вновь постучал, на этот раз настойчивей и громче. Но вновь ничего.

Он приложил ухо к двери, даже не представляя, что он хочет там услышать, но шарканье ног, или приглушенный звук телевизора, а может и радио, его бы вполне устроило. Но все звуки шли только из соседней квартиры.

– Что вы делаете?

Антон отскочил от двери словно она раскалилась добела и с гулко забившимся сердцем, посмотрел на спускавшуюся со второго этажа девочку лет десяти. Лево́й рукой она теребила воротник светлого в мелкий цветочек платья и как-то с опаской смотрела на незнакомого мужчину. Она остановилась на предпоследней ступеньке, не решаясь подойти ближе.

Антон попытался выдавить из себя улыбку.

Это не помогло, и девочка сделала шаг назад, поднявшись на одну ступеньку.

– Э... Постой, я просто хотел, повидать старого друга. Дядю Сергея, который здесь живет.

– А по-моему, вы подслушивали, – робко произнесла девочка. И добавила: – Он не дядя, а дедушка.

– Ну, для тебя – уже дедушка, – Антон почувствовал, что его улыбка стала более искренней и дружелюбной, потому что девочка больше не боялась, она вновь спустилась на предпоследнюю ступеньку, и перестала теребить воротник платья.

– Я слышала, что вы стучали, – сказала она. – Но его нету дома. Он теперь живет в больнице. И мама говорит, что он там навсегда. Она сказала, что с ним случился удар.

Улыбка пропала с лица Антона, а к горлу подкатил большой комок.

– А это очень плохо, этот удар? Он умер? Потому что мама говорит, что он больше не вернется. А дедушка Сергей был очень добрый, он всегда нам помогал. Ну, печку чистил, дрова колот, – она спустилась на площадку, пристально смотря на Антона. – Вам плохо? – спросила она.

– Н-нет, – язык еле ворочался, он словно прилип к небу, превратившись в черствую корку иссохшего хлеба. – Все в порядке... со мной. А в какой больнице лежит дедушка Сергей?

– В нашей.

«Исчерпывающе», – подумал Антон, а все надежды на нормальный разговор с дедом падали с утеса в море, словно группа самоубийц, – кто разбивался об острые выступы скал, кто взметал высокие снопы брызг.

– А в каком... – он сглотнул, но слюна прошла по горлу словно острый камень, – отделении? Не знаешь?

Девочка отрицательно помотала головой.

Найти больницу не составило труда. Собственно, он ее и не искал.

Когда отряд самоубийц в его голове иссяк и приливной волной смыло всю кровь со скал его надежды, он вышел на улицу, и, глядя себе под ноги, побрел в обратном направлении.

Мыслей не было, только пустота и тяжелый осадок, а в желудок словно опустился тяжелый свинцовый ком. Перед глазами вновь возник образ носилок и старческого иссохшего силуэта под белой материей.

Она сказала, что с ним случился удар.

Удар.

«Если она имела ввиду инсульт... – его мысли текли вялым потоком. – Если это инсульт, то восьмидесятидвухлетний старик сейчас просто овощ».

И мама говорит, что он там навсегда.

Потому что мама говорит, что он больше не вернется.

«Старый пердун не мог подождать. Блядство! Надо было спросить у девчонки, когда его забрали в больницу, – Антон хмыкнул. – А что это дает? Если вчера, то он еще может быть при смерти, или в коме. Если месяц назад, собственно, то же самое. Либо он овощ, просто овощ. Есть ли хоть какие-то шансы, что он в своем уме? Да и когда его теперь ждать? Ко-

гда его выпишут из больницы? Если вообще выпишут. Чертов старикашка, как же ты мне нужен!»

Ветер продувал насквозь. Рубашка еще не высохла и прилипла к телу ледяным саваном, напрягая мышцы словно в зимнюю стужу. Его бил озноб. Но причиной его был не только холод. Антон понимал, что старик (капитан милиции) был его, возможно, единственной надеждой узнать, что случилось с его родителями.

Не стоило забывать и про странный, сложенный вчетверо листок с машинописным текстом в заднем кармане его джинсов.

Его вновь пробрало холодом. Он остановился и застегнул ветровку. Взглянул на здание гостиницы с примыкающей к ней библиотекой.

«Я снова здесь. Что за странный перекресток, – с некоей иронией подумал он. – И что, это все? Теперь домой?»

В который раз за этот день, он взглянул на большое здание дома культуры.

«Нет, пожалуй, домой еще рано. Вот только где...» – он развернулся на сто восемьдесят градусов, и, глядя прямо перед собой, пошел вперед.

Когда-то же он здесь жил, и пусть это было двадцать четыре года назад, это город не должен быть для него совсем незнакомым. Да, прошло много лет и он был мальчишкой, когда ему пришлось уехать, но он здесь жил. И как все мальчишки, живущие в маленьких городках, он должен был знать

каждый его переулочек.

Память упорно молчала, но инстинкты вели его в нужном направлении. И Антон в этом не сомневался. Он уже видел приближающееся бледно-розовое старое двухэтажное здание, и, хоть и смутно, но осознавал, что это инфекционное отделение.

Он вдруг увидел себя в палате, казалось еще более старой, чем само здание, с облупившейся пожелтевшей краской на стенах. Увидел некогда белую с черными сколами на эмали металлическую раковину в углу и маленький кран с одной лишь холодной водой. Палата с двумя кроватями, которые, когда в них ложишься, провисают чуть ли не до пола; одна застелена, на другой только в серую с розовым полоску матрац, весь в желтоватых и коричневых разводах. И он стоит у окна, ждет, когда придет его мама и передаст через форточку тарелку с домашней едой, завернутую в полотенце и целлофановый пакет, чтобы сохранить тепло. И чтобы дотянуться до окна, она встанет на проходящие под ним трубы отопления.

Сколько же ему тогда было, лет десять? Меньше?

Образ моментально померк, оставив в голове лишь тревожный отзвук предупреждающего молотка. Память не желала уступать, не давая ни единой возможности покопаться в прошлом. Но словно море, поддавшееся гравитации, накинула небольшую волну на высушенный песчаный берег его минувших дней.

Антон подумал о приливе. Почему бы простой волне не стать приливом и не затопить весь этот преданный забвению засохший пляж? Постепенно с каждым накатом заполнять все больше и больше, пока, наконец, в его голове не останется ни одного слепого пятна?

Тревожный молот ударил громче.

Он вспомнил, о чем подумал вчера, когда поднялся с пола после потери сознания: «Интересно, если я вспомню все, – я умру или излечусь?»

Вопрос казался ироничным и иррациональным, но в приступах накатывающей от попыток вспомнить мигрени, все же становился весомым.

Но краткое, так с легкостью вырвавшееся на поверхность, воспоминание о больнице оставляло надежду и требовало все больше и больше.

«Интересно, – подумал Антон, – когда слова тети Тани о том, что прошлое должно оставаться в прошлом, стали непреложной истиной моей жизни, а не просто выражением, что бы я не спрашивал о своих родителях?»

Возможно, в тот вечер, когда он очнулся на каталке в приемном отделении и они остались с Катей вдвоем.

Он подошел к зданию инфекции. Слева располагалось П-образное двухэтажное кирпичное строение, которое Антон сразу отнес к поликлинике. А чуть впереди стояла одноэтажная терапия с кучей трещин на оштукатуренном фасаде.

«А сюда ли мне?» – подумал он, подходя ближе к низкому

зданию, которое, казалось, находилось в аварийном состоянии.

У входа стояли друг напротив друга две, выкрашенные в синий цвет, скамейки. А перед забетонированным мостком сбитая из досок решетка. Блеклая, выгоревшая на солнце, фиолетовая вывеска у входа на стене гласила «ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ».

Антон взглянул на облупившуюся на деревянных рамах краску, на осыпающуюся с фундамента штукатурку, проржавевшее железо на отливах под фронтоном крыши и на саму крышу, покрытую (видимо, не так давно) пока еще блестящей жесью.

«Самое место, чтобы умирать. Не так ли, господин Ларин?» – подумал он и с прискорбной улыбкой отметил, что это далеко не первое больничное здание, которое он увидел в столь удручающем состоянии.

Внутри его встретил резкий запах хлорки, совершенно не перебивающий более экзотический букет из ароматов лекарств, дерьма и мочи. Светлые блеклые стены, краска на которых местами давала трещины, но все еще стойко держалась. Белые деревянные двери имели налет желтизны, темнеющей к низу, но сказать, что они грязные было нельзя, так как они блестели, словно только что были намыты – просто краска старая. Светло-коричневый линолеум под ногами имел заплатки из кусков другого цвета, а местами был затерт до белесого основания.

Словом, видал он больницы и похуже и в больших городах.

Медсестра с длинными каштановыми волосами, забранными в хвост, который выглядывал из-под белого накрахмаленного колпака, закрыла довольно толстую историю болезни и взглянула на вошедшего мужчину.

Антон буквально впился взглядом в ее светло-карие, лучащиеся добротой, но такие усталые глаза. На краткое мгновение ему показалось, что он начал в них тонуть, словно брошенный за борт посреди бескрайнего океана. Тонул без надежды на помощь, без спасательного круга, или хотя бы обломка, всплывшего на поверхность, после кораблекрушения. Глубина ее взгляда поражала, пленила, заставляя его забыть

обо всем, а сердце биться чаще.

Но в глазах ее появился вопрос и брови приподнялись вверх.

– Добрый вечер, – произнесла она.

«Вечер»? – удивился Антон и взглянул на наручные часы.

Стрелки показывали шесть часов ровно.

– Да, уже поздновато. Посещение больных с двух до четырех, – устало, но все же с легкой улыбкой, проговорила она.

– Простите, – выдавил из себя Антон. Под ее взглядом он чувствовал себя обескураживающе. Цвет ее глаз напомнил ему Катю, но лишь на краткий миг. Сравнить он их не мог, он продолжал любить свою покойную жену. Но глаза этой девушки покорили его словно юнца. – Я... Простите, – он попытался улыбнуться. Получилось криво, но не настолько, чтобы ему не улыбнулись в ответ, и достаточно тепло. – Я хотел повидаться с Лариным Сергеем Петровичем, – он попытался вернуться на землю, вспомнить цель своего прихода. Но и ее обаятельное лицо он теперь никогда не забудет.

– А кем вы ему приходитеесь? – спросила она, но во взгляде ее появилась озабоченность.

– Ну, – Антон вдруг замялся. А что он может ответить? Что когда-то этот человек расследовал смерть его родителей, и что теперь, спустя много лет, он хочет выяснить, что там да как? Такое явно не годилось, чтобы пропустить постороннего человека в палату к тяжелобольному. А он увидел, насколько изменился ее взгляд, когда он произнес имя бывше-

го капитана милиции. – Мы когда-то были знакомы, – не решительно сказал он. – Правда, я тогда был еще мальчишкой. Даже не знаю, вспомнит ли он меня вообще.

– Сергей Петрович перенес инсульт и его состояние довольно тяжелое, – осторожно произнесла она, толи не желая разглашать диагноз, толи предупреждая. – Он не часто приходит в сознание. Поэтому, я не думаю...

– А давно... То есть, когда он... с ним это произошло? – запинаясь, он практически бесцеремонно оборвал ее, не дав договорить, не дав поставить точку в их диалоге.

Она задумалась. Взглянула на свой стол, приподняла пару историй, но так и на найдя, что искала, посмотрела на Антона и, пожав плечами, сказала:

– Не скажу точно, это было не в мою смену. Но дней пять-шесть назад.

Антон вспомнил, что примерно тогда он получил от Смирнова его белоснежный конверт с запиской о том, что дом готов и можно переезжать.

Он вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. В другом конце длинного коридора за таким же столом сидела вторая медсестра и смотрела в их сторону.

– Я... Можно мне все же, хоть ненадолго к нему пройти? – не оставляя надежды, спросил он, возвращаясь к светло-кариым глазам девушки. – Может ему что-то нужно. Я бы...

Антон замолчал, не зная, что он еще может сказать.

– Ну-у, – словно задумавшись, протянула медсестра. –

Родственников у него нет. И если бы вы купили подгузники...

«Подгузники, – в изумлении подумал Антон, – неужели они и взрослым бывают нужны? Какая ирония: ты рождаешься и на тебя надевают подметки, в которые ты гадишь, и ты умираешь в таких же подметках».

– Только ему нужен третий номер, – продолжила она. – Подгузники для взрослых номер три. Я уточнила просто потому, что некоторые приносят детские.

– Хорошо, я завтра куплю. Просто не думал, что все на столько плохо.

Нет, он думал, и думал, что все будет хуже. Вот только такие мелочи в его сознании не всплывали.

– Хорошо, – улыбнулась она. Антон почувствовал, что здесь победу одержал не он, а скорее необходимые в этом отделении подгузники. – Можете повесить куртку на вешалку, и накиньте на себя халат.

Палата была небольшой, всего на две койки с достаточно узким проходом между ними. Под окном, в изголовье кровати, стояли вряд три тумбочки, на одной из которых находился дефибрилятор, подключенный к розетке. На его черном экране мелькали изогнутые линии, и он слабо попискивал в такт сердцебиению. Довольно спокойному, отметил про себя Антон. От дефибрилятора отходил провод, разделяющийся на три контакта, которые вели к груди лежащего на кровати больного.

Правая кровать была аккуратно застелена, подушка торпещилась в изголовье треугольником.

В проходе по левую руку Ларина стояла стойка с капельницей. Стекланный флакон был почти пуст, но скорость с которой в колбе системы падали капли, предполагала, что этого хватит еще на долго. Антон заметил, что прозрачная, наполненная лекарством трубочка, вела не к руке, а к более тонкой трубке, выглядывающей из-под залепленной пластырем повязки на левой ключице больного.

Когда они вошли, Ларин открыл глаза и посмотрел в их сторону, слегка повернув голову. Ни одна другая часть тела не шелохнулась.

– Как самочувствие, Сергей Петрович? – спросила медсестра, лишь коротко на него взглянув, и подошла проверить

капельницу. По всей видимости, она и не ожидала услышать ответ. Пару секунд она постояла, вглядываясь в падающие в колбе капельной системы капли, считая скорость. И удовлетворившись, повернулась к Антону. – Состояние тяжелое, – проговорила она. – Тетраплегия... – замялась на секунду, улыбнулась. – То есть, ноги, руки пока парализованы. Плюс, слабое сердце, и давление не держится. В капельнице допамин, который его нормализует. Если он закончится, пока вы будете тут, то позовите, пожалуйста. Хорошо?

Антон кивнул, не сводя глаз с осунувшегося, с заострившимися чертами серого лица бывшего капитана милиции.

Медсестра взглянула на больного, потом на Антона, и, словно извиняясь, проговорила:

– Иногда он приходит в себя, но по большей части бредит.

Она замолчала, взглянула на наручные часы, и, извинившись, сказав, что ей пора делать уколы, вышла из палаты. Дверь она закрыла не плотно, оставив щель с носок ботинка. Проводив ее взглядом, Антон подошел ближе к старику, встав в проходе между кроватей. Ларин, словно изучая неожиданного посетителя, не сводил с него настороженных глаз. Ни один мускул не дернулся на его лице, правая половина которого казалась оттянутой книзу.

– Здравствуйте, – проговорил Антон. – Меня зовут...

– А-а, мелкий поджигатель, – еле слышно прохрипел Ларин. Его губы едва шевельнулись, а в глазах блеснул небольшой огонек понимания.

«Что еще за „мелкий поджигатель“? – подумал Антон. – Старик бредит. Какого черта я вообще тут делаю? На что я, черт побери, надеюсь?»

От неожиданно накатившей на самого себя злости, на его глазах выступили слезы.

– Я тебя помню... Зачем ты сюда вернулся? – теперь голос старика больше походил на шелест – сухой и безжизненный.

– Что? – удивился Антон. – Как вы меня можете помнить? Столько лет прошло.

– Лет? – прошелестел Ларин. Его взгляд, казалось, сверкал под подернутой старческой мутью роговицей, от чего было сложно представить, что прячущийся за ними разум, сейчас бредит. – О, еще можно доказать, что это ваших рук дело... Ты и твои друзья... – он сделал пару еле заметных вдохов, потом продолжил: – Мне следовало сразу вас прижучить...

Старик замолчал, не сводя с него своих, наполнившихся жизнью глаз. Но только глаз, все остальное выглядело мертвым.

– Я не... – Антон помотал головой из стороны в сторону, отрицая все выше услышанное, словно его действительно могли обвинять в чем-то серьезном. – Не понимаю вас. Меня зовут...

– Антон... – выдохнул старик. – Ты сын Дмитрия Полевого...

Где-то внутри него разгорелся костер, обдавая жаром

внутренности, а по коже поползли ледяные мурашки. Он думал, что этот иссохшийся старый хрен, без волос на покрытой бледными старческими блямбами голове, с торчащими из носа и ушей длинными жесткими волосами бредит. Но он назвал его имя и назвал имя его отца.

Но он так же назвал его поджигателем.

«Поджигателем чего?»

– Я не помню... – Антон замялся. Глаза старика сверкали, но рассудок явно бредил. – Я не знаю о чем вы говорите.

– Не помнишь, – на выдохе, практически бесшумно произнес Ларин.

Несколько секунд он молчал. На какое-то мгновение его глаза застлал туман, а веки прикрылись. Антон подумал, что старик заснул. А где-то в глубине, в очаге горящего в нем костра, мелькнула мысль, что к нему пришел не сон, а сама смерть.

Через приоткрытую дверь из коридора доносились голоса, но они тонули и разрывались в мечущемся разуме, склонившегося над кроватью мужчины. Мерно пикал дефибриллятор, снимающий электрическую активность увядающего восьмидесятидвухлетнего сердца, грудь над которым перестала вздыматься.

Антон сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в его ладони. Внутри все так же пылал огонь, а кожа обливалась холодным потом. Он просто стоял и смотрел на серое с заостренными чертами лицо, не выражавшее никаких эмоций,

и слушал пиканье аппарата, ожидая появления мерзкого монотонного сигнала.

Грудь под простыней слабо приподнялась и практически незаметно опустилась.

Старик вернулся, вновь уставившись на него своим поблескивающим остатками разума взглядом.

– Тьма беспомощна, пока память спит, – прошелестел он. – Но я знал, что ты вернешься, маленький поджигатель.

– Какой поджигатель? О чем вы говорите? – в голосе Антона звучали нотки паники и раздражения. Старик явно бредил, но что-то в его словах, не давало ему покоя.

– Она заберет всех... я слышал, как она кричала... – глаза старика заблестели, а в уголках, переходящих в глубокие морщины, показались слезы. – Будь осторожен, мальчик... вам не стоило сжигать ее дом...

Он вновь замолчал, а грудь под простыней опала и застыла. И лишь мерный писк продолжал настаивать, что в этом теле еще теплится жизнь.

Антон качал головой из стороны в сторону, пытаясь понять услышанное и отрицая последние слова. Жар внутри взметнулся к горлу, а к затылку словно приложили лед. Он взглянул на свои руки: на левой ладони лежал коробок, а на правой спичка.

«Какого...»

Но видение исчезло, а его руки, с плотно сжатыми кулаками, висели вдоль тела.

– Твои родители... – прохрипел старик, казалось, что говорить ему стало сложнее. – Мне их жаль, сынок. Твоя мать была хорошей женщиной...

– Мои родители, – Антон зацепился за эту мысль, схватился, словно утопающий, за брошенный ему спасательный круг. – Сергей Петрович, скажите мне, как они погибли, почему, что произошло. Прошу, мне нужно знать. Вы там были, я знаю, я прочел газетную статью... Четырнадцатого августа, семьдесят восьмого года, когда со мной что-то случилось... вы пришли к нам домой и нашли моих родителей. Прошу, скажите мне...

Его голос сорвался, а из глаз потекли слезы. Он взглянул вниз и заметил, что крепко сжимает выглядывающую из-под простыни старческую руку. Костяшки его пальцев побелели от напряжения. А на кисти старика вздулись громадные вены, казалось, еще немного и они лопнут. И только собравшись с силами, он смог разжать уже занемевшие пальцы, отпуская тощую, словно птичья лапа, руку.

– Они мертвы... что еще ты хочешь знать? – голос Ларина стал совсем тихим, и Антону пришлось нагнуться, приближая ухо к его почти недвижимому рту.

– Как? – выдохнул Антон, а разум кричал: «Скажи, что это случайность! Скажи, что они умерли не по своей воле! Скажи, черт побери, что это не самоубийство!»

– Вам не следовало сжигать тот дом... – еще тише, чем прежде. – Мы написали, что это было самоубийство, – они же

не спали... А в газету сообщили о несчастном случае... – теперь он тянул слова, говоря очень медленно, с паузами на незаметный в движении вдох. – Но... я знал... знал... и знаю сейчас...

Пауза затянулась, и Антон не выдержал:

– Что, что знаешь? Говори уже, – он всхлипнул. – Какова причина, что произошло на самом деле?

– Вам не стоило... сжигать ее... дом... Они... они задохнулись... отравились газом... и только это... правда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.